

В СВОБОДНОМ ПАДЕНИИ

р о м а н

Новая встреча
экстрасенса Алексея
Данилова и сотрудницы
секретной спецслужбы
Варвары Кононовой.

АННА И СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы

В свободном падении

Серия «Агент секретной службы», книга 5

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3028075

Литвинова А. В. Литвинов С. В свободном падении : повести: Эксмо;

Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55636-6

Аннотация

Варвара Кононова за время службы в особой комиссии привыкла к ночным звонкам. Положив трубку, она немедленно стала собираться в аэропорт. Задача Вари – не допустить столкновения двух людей с экстраординарными способностями. Одна такая встреча стала настоящей катастрофой... Алексей Данилов, волнуясь, сходил с трапа самолета – он давно не был в родном городе и только сейчас, став известным экстрасенсом, решил приехать на гастроли. Здесь когда-то погибла его мама, и он наконец решил выяснить, что же случилось в тот хмурый осенний день на пустынном морском берегу. Его сразу отыскала старая подруга матери, и Алексей узнал: та вовсе не случайно упала с обрыва. А потом к нему тайно обратилась незнакомая

девушка и предложила избавиться от слезки, которую Алексей чувствовал с первого дня...

Содержание

В свободном падении	5
Глава первая	5
Алексей Данилов[1]	5
Варвара Кононова	9
Алексей Данилов	12
Варвара Кононова	21
Алексей Данилов	31
Варвара Кононова	38
Глава вторая	44
Алексей Данилов	44
Варвара Кононова	49
Алексей Данилов	55
Варвара Кононова	56
Алексей Данилов	58
Варвара Кононова	60
Москва, 1997 год	61
Камера 1. Периметр родблока	67
Камера 2. Родильная палата	68
Глава третья	69
Алексей Данилов	69
Варя Кононова	83
Алексей Данилов	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Анна и Сергей Литвиновы

В свободном падении (сборник)

В свободном падении

Глава первая

Алексей Данилов¹

В небесах я чувствую себя великолепно.

Звучит в моем случае двусмысленно. А еще самонадеянно. По-пижонски. Очень снобистски, честно говоря, звучит.

Но к черту оглядки. Я буду говорить только то, что думаю и чувствую. И прошу никакого подтекста и второго смысла в моих речах не искать. А то с вас станется. Еще станете утверждать, что я описал второе пришествие. А я пишу – просто дневник, и больше ничего.

И говоря о прекрасном самочувствии в небесах, я все-

¹ С героем вы уже встречались в романе Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят».

го-навсего имею в виду: я люблю летать на самолетах.

Мне нравится грандиозный вид под крылом. И удобные кресла. И пища, что тебе продуманно приносят в пластиковой коробочке, покрытой пленкой. Сидишь, попиваешь кофеек, жуешь бутерброд – и в полном смысле слова находишься между небом и землей.

Из одного мира, из одной жизни вылетел, а в другую еще не прилетел.

Поэтому ты с полным правом можешь заниматься в полете чем угодно. Тебе дарят пару часов между двумя твоими жизнями. До полета – и после. А ты стараешься это время убить. Приканчиваешь минуты со знанием дела: глубоко-мысленно пролистываешь глянцевого журналу, неспешно попиваешь кофей.

Я вообще-то не хотел ехать в Энск. Слишком близкое все, слишком родное. Слишком много вибраций. Но Сименс как прицепился! Поехали да поехали, единственный из крупных городов, где мы никогда не были, иные уж по два-три раза окучили, в Питере почти прописались, а Энск... К тому же город портовый, а значит, денежный, люди не бедствуют, стало быть, и платить смогут полной горстью. А то после гастролей в Смоленске с Липецком еле командировочные свои отбили.

Гастроли – так мы с Сименсом наши выезды называем. Сходство, конечно, имеется. Особенно если помнить, что воры и шулеры тоже свои визиты *гастролями* именуют. Прав-

да, не очень понятно, на чьи экспедиции мои путешествия похожи больше: эстрадных звезд или карманников. Хотя смысл заездов и у первых, и у вторых, и у меня – одинаковый: чес. То есть отъем денег у населения, с той или иной степенью законности.

Я ведь только в начале своей карьеры считал, что у меня есть некая Миссия. Что я должен Выполнить Свое Предназначение. Но теперь понимаю: предназначение – туфта на постном масле. Нет у меня, как и у большинства людей на земле, никакой особенной миссии. И моя жизнь – как и жизнь каждого из нас, людишек, – есть просто способ существования белковых тел. Немногим отличающийся, по сути, от размножения и гибели плесени.

Думать, что ты можешь повлиять на судьбу человечества, – самонадеянно и опасно. В моем случае – опасно смертельно. Потому что означает – заноситься перед лицом Бога или Судьбы (смотря в кого ты веришь). Но! В кого бы ты ни верил, он или она (Бог или Судьба) – словом, высшие силы – заносчивых карает, и весьма жестоко. К примеру, только раскрылился человек управлять судьбой если не всей планеты, то огромной страны – как вдруг, бах, insult, и ничем он уже не управляет, а, напротив, колясочкой инвалидной вместе с ним, прикованным, нянечка рулит. А он радостно мумукает, пытается объяснить, куда его катить надо.

В моем ведь случае особо опасно заноситься. Потому что на жизнь одного, отдельно взятого человека (или группы лю-

дей) я повлиять как раз таки могу. Это не отрицается ни мной, ни кем иным из знающих меня товарищей. (Другой вопрос, насколько благотворно в конечном итоге мое влияние, но если мы эту тему начнем обсуждать, боюсь, разговор до завтрашнего утра не кончится.) Когда у тебя действительно есть способности не просто вернуть загулявшего мужа в семью, но и заставить его заново полюбить благоверную – если об этом всерьез задумываться, то недалеко до идеи, что ты, скромный человечешко, равен богам. А вот это как раз опаснейшее заблуждение. Которым я, повторяюсь, не страдаю.

Подобные иллюзии исчезли у меня давно. А вот прожить самому вкусно да достойно – другое дело. Ну, может, хорошим людям чем-нибудь помочь. Это мне по силам. Но в подобных устремлениях я не слишком отличаюсь от большинства землян.

Поэтому свой весьма странный талант я давно уже не воспринимаю как нечто супер-пупер-особенное. Просто кому-то Бог вручил при раздаче удивительно гибкий позвоночник, и он зарабатывает на арене человеком-змеей. Кому-то (как Сименсу) он выдал умение считать, как ЭВМ. Кому-то – талант и страсть к бизнесу, как моему отцу, а мне вот... Даже не знаю, как определить одним или хотя бы двумя словами мои таланты. Третий глаз? Экстрасенсорика? Ясновидение? Эти слова настолько затасканы и скомпрометированы мошенниками, что их даже произносить не хочется. К тому же сии термины довольно неполно и слабо отражают суть

моего дарования. Я лично свою способность называю Дар. Слишком самонадеянно, да? Но я же даю это определение про себя и не кричу о том на каждом перекрестке. К тому же сотни людей могут подтвердить: дар – не дар, но определенные способности у меня и впрямь имеются. И потому безо всякой особой рекламы, только благодаря легчайшим, инспирируемым Сименсом слухам – в каждом новом городе меня начинают ждать. И даже раздувать вокруг моего грядущего визита ажиотаж.

Особенно – в городе моего детства.

Варвара Кононова

Мой командир, полковник Петренко, звонит мне когда за-
благорассудится. Если он на дежурстве и хочет что-нибудь
сказать в три часа ночи, он не комплексует. Снимает трубку
и набирает мой номер. А когда я однажды попыталась втол-
ковать ему, что у меня есть право на отдых и какую-никакую
личную жизнь, полковник поставил меня по стойке «Смир-
но» и вдохновенно прочел короткую, но жесткую лекцию на
тему что я: а) являюсь военнослужащей; б) наше подразделе-
ние, согласно наставлению, находится на постоянном боевом
дежурстве и в) сверхсекретная комиссия, где мы с ним оба,
между прочим, служим, обязана самым оперативным обра-
зом откликаться на вызовы времени. Потом он сказал: «Кру-
гом», и... и как ни в чем не бывало продолжил в дальнейшем

свою практику. И я смирилась. Не потому, что сильно верила в уже изрядно побитую молю миссию нашей комиссии, нет. А во многом потому, что ночные петренковские звонки все ж таки звучали нечасто – раз в месяц в среднем. Можно потерпеть. К тому же полуночные разговоры с товарищем полковником были по меньшей мере занимательны. Или даже полезны.

Сегодня он позвонил всего-то полпервого – я еще даже заснуть не успела, медитировала над книжкой. Всякий раз полковник начинал свои ночные разговоры с одной фразы:

– Спишь?

– Чего хотели, Сергей Александрович? – совсем не по-уставному отвечала я.

– Твой подопечный начал активничать, – мрачно молвил Петренко.

– Какой из?... У меня подопечных много.

– Данилов. Алексей.

– А-а, тот парнишка из Москвы! Горящее дерево и прохождение сквозь стену в аэропорту Шереметьево?

– Да, и он уже далеко не парнишка. Я прикинул: ему за тридцать перевалило.

– Что он натворил?

– Собирается на родину свою, в Энск.

– Ну и что?

– Как – что? – начал заводиться полковник. – Там живет... Забыла?

– Ах да. Но Данилов уже бывал в Энске.

– Да, но тогда *ей* одиннадцать лет было. А *он* в свой прошлый приезд там собственную свадьбу праздновал.

До меня потихоньку стало доходить, чего опасается мой командир, и меня пронзил, словно электрический разряд, острый приступ страха. Но я все-таки пробормотала:

– Ну, раз собрался – значит, пусть себе едет...

– Ты что, не понимаешь, Варвара, что *им ни в коем случае нельзя встретиться?*

Теперь я в голосе Петренко услышала слабый, но отголо-сок того, чего я еще никогда в его речах не слыхивала (а в очах не видывала). А именно – страха.

– Все равно вероятность очень мала, – проговорила я, – в Энске населения тысяч двести живет. А то и триста.

– А если у них есть... – начал было полковник, но оборвал себя и сказал достаточно жестко: – Короче, чтобы эти двое повстречались, нельзя допустить ни при каких обстоятельствах. Ни за что. И я тебя уполномочиваю на применение любых методов. Вплоть до... – Пауза, тяжелое дыхание в трубке, а затем: – Вплоть до физического уничтожения.

– Значит, я должна ехать следом за Даниловым?

– А ты сомневалась?

– Он знает меня в лицо, товарищ полковник.

– А ты не светись. И потом: что, я тебя должен учить искусству маскировки?.. В общем, выезжай немедленно. Я попрошу заказать тебе билет на самый ранний утренний рейс.

Алексей Данилов

Я напрасно внушал себе, что мой вояж в Энск – это ПРОСТО ПОЕЗДКА. Одна из многих. Обычные гастролы, и ничего более.

Что ошибался, я понял, уже сходя с трапа. В тот момент, когда миновал стюардессу, дежурившую у люка, сказал ей «спасибо» за полет, ответил на ее резиновую улыбку – и ступил на первую ступеньку лестницы.

Я почувствовал родной запах. Он проник в меня. Теплый и влажный воздух. Аромат полыни. Благоухание, знакомое мне с детства. С самых первых моих лет.

И еще – родной пейзаж. Пустое, как стол, летное поле, а дальше – кусок степи с выжженной на солнце травой. И еще дальше – море: синяя полоска.

И, мгновенно, вспышкой: я бегу по берегу, а навстречу мне – мама. Я, наверно, маленький, потому что вижу ее снизу вверх. А она улыбается и простирает ко мне руки. А за ее спиной – удаленной полоской, как сейчас – море.

– Ну, проходите же! – вырвал меня из забытья возмущенный голос за спиной. Картинка, необыкновенно ясно вспыхнувшая перед моим внутренним взором, исчезла, вибрация погасла, я побежал по трапу вниз, чтобы не задерживать нетерпеливую женщину позади меня, а также прочих пассажиров.

Я забрался в автобус, заполненный людьми и вещами, и, боясь, что на меня опять нахлынет, постарался сконцентрироваться на постороннем.

Вот, к примеру, девушка. Надо просто избегать с ней контакта глазами и молвить что-нибудь нейтральное:

– А здесь совсем теплынь. Наверное, купаться можно.

Девушка отвернулась. Посадка ее головы выражала легкое высокомерие. Она находилась еще в том юнопровинциальном возрасте, когда всякие обращенные к ней слова мужчины воспринимаются как попытка кадриться. Потому и отвернулась, что мои потуги показались ей недостаточно впечатляющими. Я мог *посмотреть* ее, *понять* и обнаружить, какие, например, мужские слова и поступки действуют на нее бронебойно, стопудово, на все сто процентов – но зачем? Зачем она вообще нужна мне? Только как отвлекалка от прошлого. От этого пейзажа с морем на заднем плане. От этого запаха. От детства. От воспоминаний.

Меня должен был встретить Сименс. Но для начала мне требовалось пройти через здание аэропорта. И в тот миг, когда я спрыгнул со ступеньки автобуса, увидел справа новое здание аэровокзала: бетон, тонированное стекло, двадцать первый век. А слева – здание аэропорта старого, каким я его, оказывается, помнил. Воздушные ворота в моем старом городе были совсем другой архитектуры, чем нынче. Сооружение со шпилем, в стиле сталинского ампира. Чем-то похоже на провинциальный железнодорожный вокзал. Слегка при-

земленный морвокзал в Сочи. Или – сильно уменьшенный Северный речной порт в Москве. Масштаб меньше, социалистический пафос тот же. Ложноклассические колонны, завитки – в детстве они казались мне кремом на бисквитном торте.

И опять – мгновенный и неконтролируемый нырок в прошлое. (Эх, зря я сюда вернулся!)

Мы – тогда еще моя семья – находимся внутри аэровокзала. В каком-то отдельном (от прочих пассажиров) помещении, по-советски роскошном: красные портьеры, громоздкие кресла в белых чехлах, пузатый цветной телевизор под потолком, а на буфетном столе, на скатерти – питье и закуска: бутылки «Буратино», жигулевского пива, бутерброды с ветчиной, сыром и икрой. Еда и питье не куплены нами, но в то же время их никто не продает. Как на пикнике: подходи и бери, сколько хочешь.

Теперь, с высоты нынешних лет, я понимаю, чем была та комната в старом здании аэровокзала, – депутатской она называлась. ВИП-зал по-советски. Значит, мой отец тогда уже дослужился до депутатской комнаты. И мы там – втроем: отец, мама и я. Какой это год? Мои воспоминания на более ранний срок, чем восемьдесят первый, не простираются. Значит, идет год восемьдесят второй, третий или четвертый. Мне – лет пять.

Родители такие молодые-молодые. Я вижу, как отец откупоривает бутылку и разливает им с мамой по рюмкам ко-

ньяк. А она наливает лимонад мне и кладет для меня щипцами на тарелочку бутерброд с черной икрой. Я никогда не видел раньше черной икры. Она меня пугает. На белом аппетитном хлебе, на ярком размазанном масле – кучка чего-то иссиня-черного. Никогда не ел ничего подобного.

– Не хочу я этого! – Я кривлюсь и отталкиваю тарелку.

– Дурачок, – смеется мама, – это же икра, дефицит, надо кушать, пока дают.

– Не надо, не надо, – шутливым тоном говорит отец, у него прекрасное настроение, – не дай бог, понравится ребенку деликатес, что мы тогда с ним будет делать? Не прокормим! Давай лучше выпьем за начало нашего отпуска! – И он чокается своим коньяком с маминой рюмкой и лихо опрокидывает свою.

А мною овладевает бес противоречия. Как?! Папа говорит: не ешь – значит, надо попробовать.

Поэтому я осторожно беру с тарелки бутерброд и еще более осторожно надкусываю, а потом жую, прислушиваясь к своим ощущениям. И – отец был прав, мне начинает нравиться, я откусываю еще кусочек, потом еще и быстро съедаю все. Мама смотрит на меня и тихо смеется. В тон ей улыбается отец. Я замечаю это и надуваюсь. Мне хочется добавки икры, но теперь, после смешливой реакции родителей, совестно просить. А тут и ситуация меняется: к столу подходит властная женщина с пышной прической – обычно такие дамы, я уже успел заметить, шумные, высокомерные и нахаль-

ные. Но эта говорит папе тихо и даже угодливо:

– Сергей Владиленович, проходите, пожалуйста, на посадку.

– Сколько с меня? – спрашивает у женщины отец, и я испытываю приступ разочарования: оказывается все эти яства, «Буратино», коньяк и икра, что стояли на столе, не бесплатны (как я подумал вначале).

– Рубль восемьдесят пять.

Отец протягивает тете деньги, говорит:

– Сдачи не надо.

– Ой, да ну что вы, Сергей Владиленович, – смущается дама.

Мама берет меня за руку. Прикосновение ее руки приятно, и я вдруг испытываю приступ счастья: я – с родителями, и мы все вместе куда-то едем! Чего еще могу я желать? Чего еще может желать ребенок?

Я очнулся уже на выходе из здания вокзала. Я не помнил, как прошел вместе со всеми пассажирами в двери, и лиц встречающих, и как меня атаковали частники. Из моего времени – здесь и сейчас – исчезло добрых пять минут. Я был в прошлом. Может быть, я, наоборот, не зря сюда приехал? От нырка в детство осталось освежающее чувство, как от купания в море или короткого дневного сна. Может, я припаду к корням? Напитаюсь тут, в родном Энске, душевной силой?

Меня встречает Сименс. Он крутит на пальце ключи от машины – мелькает брелок «Мерседеса» – и говорит мне ду-

рашливо:

– Такси недорого! Энск, Архипка, Джубга, Геленджик, иномарка, кондиционер, поедем быстро, дешево!

– Поедем, поедем! – Я сжимаю Сименса в объятиях.

Я люблю его, мне хорошо с ним. В самом начале нашего знакомства я научил его ставить защитный блок («стакан»). Я нисколько не возражал – даже, наоборот, советовал ему при необходимости устанавливать данную защиту от меня. Могу себе представить пренеприятное ощущение работать с начальником, который в любой момент может заглянуть к тебе в голову! И хоть я обещал ему никогда без спросу к нему не входить – кажется, он мне все-таки до конца не верит. И правда, тяжело удержаться от искушения. Взять и проверить: все ли у него с делами в порядке.

Я ему к тому же пару других, несложных фокусов показал. Он был страшно благодарен.

Сименс предан мне. Конечно, он и зарабатывает на мне неплохо, но не обкрадывает меня (что редкость по нынешним временам). В честности и преданности моего импресарио я мог убедиться, пару раз тайком раздвигая для интереса его защиту. (Неужели я поставил бы ему блок, с которым сам не смог совладать!) Да, он отчитывается мне до копейки. Основная мотивация: «Зачем воровать по мелочи, когда я с Даниловым такие деньги зарабатываю! Не дай бог проверит (он ведь экстрасенс), и я синекуры лишусь. Таких, как я, много, а Данилов – один».

Но я тоже без такого человека, как Сименс, пропал бы. Он и в Москве мою работу планирует. И вообще избавил меня от всяческого выяснения отношений с клиентами. Он очень старается, чтобы в средства массовой информации не прошло ни одной утечки обо мне. А если вдруг подобное случается, мобилизует все свои связи, чтобы информацию локализовать и нейтрализовать. И в то же время поощряет устное народное творчество – не дает совсем затухнуть слухам обо мне. Да, в коллективном сознании соотечественников я должен пусть краешком, но постоянно присутствовать. Гастроли тоже полностью лежат на нем. Заказать гостиницу. Взять напрокат машину. Арендовать кабинет. Наладить питание. Устроить нам с ним достойный отдых, какую-никакую культурную программу. Наконец, обеспечить явку – а значит, запустить в высшее городское общество слух о моем скором приезде. Мы же не расклеиваем афиш подобно Остапу Бендеру: приехал жрец, сын Крепыша, любимец Рабиндраната Тагора и т. д.

Поэтому в очередной город на нашем пути мой друг и импресарио прибывает обычно за неделю, а то и десять дней до меня. Он селится во втором по крутости номере лучшей местной гостиницы (самые крутые апартаменты он, естественно, оставляет для меня), разъезжает на машине представительского класса и обедает в шикарных ресторанах. Но все расходы на его командировки, я считаю, окупаются. Уже хотя бы тем, что в канун моего приезда в узких кругах города

начинается легкий ажиотаж, а расписание приемов рассчитано с точностью до получаса. Каждодневно, об этом публике становится доподлинно известно, я работаю ровно с семью людьми, ни одной персоной больше дополнительно. В неделю получается тридцать пять душ. И не принимаю никого. А ничто не является для русского (бывшего советского) человека большим стимулом, чем любого рода ограничения и дефицит.

Но прежде чем я заселюсь в гостиницу, я обязательно в каждом городе прямо по пути с аэродрома заезжаю в одно место. Сименс прекрасно знает о моем обычае. И соответственно планирует поездку.

Мы всегда берем машину без шофера. Нам не нужны лишние, случайные свидетели нашей внутренней кухни, ведь именно в авто нам нередко требуется втайне поговорить. Вот и сейчас, разместившись за рулем «мерса», Сименс сказал, скорее утвердительно, чем вопросительно:

– Едем, куда обычно.

Я кивнул.

Православный собор в Энске помещался возле рынка.

Он действовал, даже когда я был маленьким. Его – по моему, единственный в городе – не прихлопывали во все годы советской власти. Однако же в мои детские годы я не был там ни разу. Напротив, когда случалось (нечасто) проходить мимо, меня всегда пугало, если кто-то открывал высокую и тяжелую дверь, и на меня обрушивался запах, свет

и голос церкви: свечи, хоровые песнопения, ладан. Наверно, правильно говорила моя крестная (в том числе, получается, и обо мне): «Разве дети – ангелы? Они – бесенята!» В Храм (с большой буквы) меня привела именно она, и было это уже в Москве. И с тех пор церковь (с маленькой буквы, как строение, а не институция) для меня, ко всему прочему, является лакмусовой бумажкой: раз она меня принимает, раз я могу войти сюда без корч и скрежета зубовного – значит, не все еще для меня потеряно. И, значит, я, хоть и богопротивным ремеслом занимаюсь, не окончательно перебрался на сторону темных сил.

Вот и сейчас я горячо и с чувством прочел молитвы, а потом попросил прощения за то, что имею самонадеянность брать на себя если не миссию Бога, то ангелов его. «Если дар мой – от Тебя, вразуми, как мне лучше воспользоваться им. Если он – от дьявола, то дай мне знак, и я отрину его!»

Но тихо, прохладно и пустынно было в церкви. Заутреня закончилась, до вечерней службы было далеко. Потрескивали свечи перед иконами, матушка, торгующая в лавке, углубилась в псалтырь, другая – вытирала тряпкой широкие подоконники. Я положил в ящик для пожертвований все, что было у меня в кошельке. Щедрое подаяние – то была еще одна малость, которой я пытался откупиться от Бога и от Судьбы.

Сименс ждал меня на улице. О религии мы с ним никогда не говорили, и какого он вероисповедания (или атеист), я

не знал. Однако так уж повелось: во время моих визитов в церкви он дожидался снаружи. Может, мой менеджер просто не хотел мешать.

– В гостиницу? – спросил он.

Я молча кивнул, натягивая бейсболку.

Больше никаких видений из прошлого мне в тот день, слава Создателю, не являлось.

Варвара Кононова

Уже в полвосьмого утра я сидела в кресле воздушного извозчика, направляющегося в Энск.

Полковник все годы моей службы в комиссии школил меня, чтоб я принимала решения быстрее. Не рефлексировала (как выражался он). Не тормозила (как про себя добавляла я). Кое-чему за десять лет я, сказать самокритично, обучилась. Вот и сегодня: после того как Петренко сообщил мне чудо-новость, что мой подопечный отправился туда, куда ему ездить совершенно не следовало, я молвила: «Вылетаю туда немедленно. Разъездную «Волгу» подошлите». Мой командир аж крикнул от удовольствия: какая я стала стремительно мыслящая и борзо действующая. А я рассудила просто, в две минуты: ехать все равно придется. Причем не кому-нибудь, а именно мне. И скорей всего, завтра же. А сейчас уляжешься спать – проворочаешься полночи, потом невыспавшейся кулемой придется тащиться в аэропорт по

пробкам... Уж лучше я сейчас, затемно, путь в Домодедово проделаю, возьму спокойно билет, а потом прикорну в самолетном кресле, а лучше уж – как на место приеду, в гостинице улягусь. Все равно до сегодняшнего вечера ничего в Энске не произойдет. Просто не успеет произойти.

Беда только, что покуда я у себя дома ждала разгонную машину и собирала сумку, а потом в аэропорту покупала билет, ждала регистрации, посадки и прочее, успела выпить чашки четыре эспresso. И теперь в кресле белокрылого лайнера мне стало решительно не до сна. Что ж! Силой заставлять себя засыпать не следует. Как говорит великий человек Петренко: «Каждый час, оторванный у сна, должен радостно приветствоваться, потому что он увеличивает время сознательной жизни».

И тогда я достала из своей сумки ридер – приятный такой гаджет с памятью шестнадцать гигабайт. Он ничем не отличался внешне от своих собратьев, с которых продвинутая публика в столичном метро читает, прости господи, Коэльо. Однако над моим прибором серьезно поколдовали ребята из нашего технического отдела. И теперь он устроен и настроен таким образом, что доступ к его содержимому гарантированно имею я одна – мне даже никакие пароли вводить не надо, и палец прижимать к сканеру – тоже. Датчик, встроенный в видеокамеру, идентифицировал хозяйку самостоятельно, сканируя радужку моего глаза. А экран у гаджета организован так, что, если кто-то заглянет при чтении через плечо, текста

он просто не увидит. Словом, английский гриф секретности «For your eyes only (только для ваших глаз)» воплощался в моем устройстве дословно. Да и гриф «по прочтении сжечь» понимался прибором непосредственно: если враг или просто любопытный вдруг попытается залезть к нему в память – тот самоуничтожится, сожжет сам себя к чертовой матери.

Когда я только пришла в комиссию – меня подобные мальчишеские штучки здорово забавляли. Сказывалось воспитание папы-генерала, который растил меня, как парня: в четыре года научил играть в шашки, в девять посадил за руль, а в двенадцать разучил приемы боевого самбо. Кроме того (как выяснилось впоследствии), они же, мои чуждые родители, завещали мне некоторый переизбыток мужских половых гормонов.

Теперь, после десяти лет службы, причастность к великим тайнам человечества грела меня уже далеко не с прежней силой. К черту любое избранничество – если мне никак не удастся нормальную семью построить. И дело не только в дежурствах: четверо суток напролет ежемесячно отдай и не грешь. И не спонтанные командировки мешали, типа сегодняшней. Служба в силовой структуре, пусть сколько угодно кабинетная, всякому существу, независимо от пола, прибавляет властности и мощи. Вот и получается: я и сама по себе – далеко не мягкая-пушистая дамочка. Плюс работа делает свой весомый вклад. И получается в итоге: с мужчинами-слабаками мне неинтересно, я их презираю, и слюнки им

подтирать мне не нравится. А с сильными... Ну, их еще в наши дни надо поискать. Завязать знакомство труда, правда, не составляет. Мощные духом и телом идут на меня, выпучив глаза, словно лоси во время гона. Но когда мы с подобным уникамом хотя бы на неделю вместе остаемся – такие стычки начинаются, только стук от лбов и рогов стоит.

Вот, к примеру, приходит мой любимый участковый часов в одиннадцать вечера и давай орать, вроде бы в шутку: «Эй, женщина! Твой мужик пришел! Давай, ставь борщ греть!» Сносить покорно даже юморные наезды я не умею, потому и отвечаю в тон – тоже как бы весело: «А ты где шляется, муженек? Опять с корешами в засаде сидел? То-то от тебя пивом разит!» Когда подобные перепалки, к примеру, раз в неделю случаются – это куда ни шло, освежает. Но участковый мой ведь каждый день что-нибудь новенькое изобретал: то рубашку ему погладить, то пуговицу пришить или бутербродов на работу нарезать. Или еще хлеще: шторы в спальне, видите ли, пыльные. Я, естественно, в ответ злилась, кричала, что домашней кошечкой никогда не стану, и пусть, если ему хочется, шторы сам снимает, стирает и вешает обратно. Иногда наорем друг на друга и миримся – сначала горячий секс, а потом – вместе занимаемся домашними делами. Но часто идем на принцип. Сколько раз я с моим, так сказать, суженым разругивалась вусмерть и расходилась навсегда? Да раз уж десять, не меньше.

Теперь мы снова в разлуке – но если еще неделю назад я

кричала: «Да никогда больше!» – то теперь все чаще говорю себе: «А может, мы еще разок попробуем? Может, если я терпимее и нежнее к нему стану – Борька тоже не только ужин требовать будет, но и цветы дарить?» Хотя такие идеи все равно в пользу бедных. Как говаривал все тот же великий афорист Петренко, пародируя деда Щукаря: «Нутро человека – оно завсегда, рано или поздно, вылезет». И если мы с капитаном милиции участковым Борей Федосовым – два медведя в одной берлоге, вряд ли он вдруг превратится в ласкового котеночка, а я – в покорную овцу.

Что ж, женское нутро – оно тоже завсегда свое берет. Вот и я – сама собиралась в кресле белокрылого лайнера поработать, но вместо того устремила мысли к собственной незадавшейся личной жизни. Одно хорошо: пока погружалась в раздумия, «Боинг» незаметно для меня вырулил на взлетку, разогнался – и вернулась я в материальный мир, только когда убралось шасси, а самолет стал круто набирать высоту. Я еще пару секунд глазела в иллюминатор, а потом все ж таки углубилась в свою «читалку». Первый утренний рейс следовал полупустым, в ряду я сидела совсем одна, так что никто любопытствующий или желающий познакомиться не мог нарушить моего уединения.

Итак, проект «Бирюза» – ответственной за который меня давным-давно, еще восемь лет назад, вскоре после того, как я пришла в *комиссию*, сделал неугомонный Петренко. Нынче проект пребывал в стадии, что называется, активной замо-

розки. Мы продолжали вести наблюдение за всеми нашими подопечными – которых оставалось, как на заказ, ровно двенадцать. Всех их мы постарались рассредоточить, физически и ментально, столь далеко друг от друга, насколько возможно. К примеру, один из них по фамилии Кольцов, бывший капитан (а ныне полковник ВВС), проживал с семьей в закрытом городке Озерковске (в прошлом Свердловске-37) на Урале. С ним устроилось проще всего: ему как человеку военному попросту было запрещено в приказном порядке покидать расположение части. Другой, сугубый отшельник, охотничал в уссурийской тайге. Две подопечные, женщины, стали монахинями: одна – в Дивееве, другая – в Кириллове. Равно как и удалившийся на Афон престарелый шулер Константин К***. Все трое пользуются огромным уважением в церковной среде, поелику видения, о коих они порой сообщают своим сестрам и братьям, отличаются исключительной красотой и, главное, прозорливостью.

Вот только Данилов – самый, пожалуй, сильный из биоэнергооператоров, с кем я встречалась, – избрал полем приложения своих сил помощь людям (как он ее понимает), то есть стал кем-то вроде гастрوليрующего экстрасенса. И теперь он отправляется в тот город, куда ему совершенно не следовало отправляться...

Далеко не первые они были биоэнергооператоры в нашей державе, изучали их у нас чуть не с двадцатых годов.

Вообще власть – какой бы она ни была, от вождя племени

до вождя народов – всегда стремится поставить *непознанное* на службу себе. Власть советская (а потом российская) – не исключение. Не буду поминать спецотдел при ГПУ-ОГПУ-НКВД, что возглавлял Глеб Бокий. Все его руководители в конце тридцатых были расстреляны. Но ведомство Берии ту работу по поиску, а затем использованию людей со сверхспособностями продолжило. Разве ж возможно удержаться от искушения попробовать угадать, куда нацелены красные стрелы на карте, лежащей у врага за тридевять земель в бронированном сейфе!

В огромной массе населения СССР люди с соответствующими возможностями, разумеется, имелись, и вездесущий НКВД их находил. Но оставался нерешенным вопрос: а как поставить их неземные таланты на службу прогрессивному человечеству? Ведь люди – *носители тонкого* вели себя, с точки зрения *органов*, совершенно возмутительно. Свои способности они могли проявить, а могли – нет. Или проявить, но направить их совсем в другую сторону, чем нужно было заказчику. Просто потому, что сами не умели ими управлять. Грубо говоря, чекисты приказывали *человеку одаренному* увидеть расположение стрелок на вражеской, удаленной и спрятанной карте. А тот тужился, пыжился, но внятно-го ничего сказать не мог. Хотя еще вчера *иной* угадывал девять из десяти карт игральных, спрятанных в заднем кармане экспериментатора. Или приказывал энкавэдэшник в белом халате разузнать про вражеский секретный план – а био-

энергооператор вместо того видел перед своим внутренним взором, что завтра «доктор» пойдет на «Аиду» в ложу Большого театра и случайно встретится там со своей первой юношеской любовью.

Однако на любые вещи, отрасли или явления, которые можно было поставить на борьбу с немецким фашизмом, а потом американским империализмом, в СССР не жалели ни средств, ни времени, ни людей. Времена стояли совсем не вегетарианские, и людям в белых халатах (сквозь которые просвечивали бирюзовые погоны) была поставлена боевая задача: определить условия, при которых биоэнергооператор может успешно функционировать.

Человеческий материал, поступил приказ, следует, конечно, экономить, но – не жалеть. В результате напряженных исследований в бывшем спеццентре под Москвой, на станции Первушино, вывели простую закономерность: способности людей, в принципе владевших тонкой энергией, резко обостряются в период их сильного душевного волнения. Мой подопечный Данилов, замечу в скобках, первую *вспышку* выдал в период своей страстной влюбленности. Однако трудно предположить, что у экспериментаторов из органов имелись хоть сколько-нибудь значительные запасы любви. Или эйфорической радости. Или – приподнятого ожидания. Зато чувств с противоположным окрасом было у чекистов в избытке. Страха, например.

Именно он, страх, и стал катализатором в первых людоед-

ских опытах чекистов над *иными*. Соответствующие протоколы я читала с сильнейшим душевным содроганием. Взять с веселых и более-менее свободных улиц человека потому, что он тонок и слышит голос мира в неведомом для большинства регистре, а потом, приставляя пистолет к его голове, заставляя угадывать масть карты, расположенной за тридевять земель... Пфуф. Людоеды и мерзавцы этим занимались, и никакое сложное международное положение их садистские опыты не оправдывает. Не хочется о них даже думать и вспоминать.

В просвещенную и относительно демократическую эпоху Брежнева и Горбачева подходы существенно переменились. А во времена Ельцина наша *комиссия* пережила небывалый всплеск – закончившийся как раз перед моим приходом в *ряды* трагедией с проектом «Бирюза».

Вдохновителем сего исследования, кстати, опосредованно явился не кто иной, как первый президент России, который, понимаешь, уважал всяческих мистиков, экстрасенсов и прочих Кашпиоровских. Когда ему, ставшему рулевым великой страны, доложили одновременно с передачей ядерного чемоданчика о существовании нашего подразделения, он возбудился чрезвычайно и затребовал к себе тогдашнего начальника комиссии с подробнейшим докладом. А по результатам разговора велел денег на нас не жалеть – невзирая даже на скудный российский бюджет девяностых годов.

Нынешние лидеры страны, к слову сказать, прагматики и

рационалисты. Им тонких материй не надобно – лишь бы держава нефтью и газом богатела. Комиссию нашу, слава богу, не прихлопнули – хотя у всех нас были сильнейшие опасения, что прихлопнут. Однако финансирование сократили многожды. Оттого практически все проекты наши командиры перевели в стадию активной заморозки. То есть на всевозможные «вызовы времени» вроде возможной встречи двух биоэнергооператоров отвечать мы, конечно, еще можем (экономя каждую копейку), однако нам самим, не дай бог, нельзя было высовываться и хоть какие-то исследования или операции инициировать.

Катастрофа с проектом «Бирюза» тоже весьма поспособствовала обрезанию нашего субсидирования.

Кончившееся трагедией исследование началось с не очень ожидаемой, зато здоровой мысли: генетика нынче развивается бурно, вот-вот ученые полностью расшифруют геном человека. А не попробовать ли нам, поднимался вопрос, изучить иных? И определить: не содержатся ли в их замечательных организмах некие отклонения на генетическом уровне? А может, они, эти отклонения, допустим, окажутся общими для всех имеющихся в державе биоэнергооператоров?

Что ж! В девяностых самое высокое начальство признало данную идею, с которой вылезло наверх прежнее руководство нашей комиссии, продуктивной. И оно, мало того, распорядилось начать исследования и даже выделило по секретным статьям деньги из тощего тогдашнего госбюджета.

В то время доказанных экстрасенсов было в стране гораздо больше, чем сейчас: сказывалось наследие советских времен, когда каждый биоэнергооператор состоял под тщательнейшим надзором органов на местах и нашей комиссии. Тогда в Москву для исследований свезли тридцать шесть человек. Секретная инструкция и в ту пору строжайше запрещала двум или, не дай бог, большему количеству людей с экстраординарными способностями встречаться друг с другом. Но...

Тут самолет тряхнуло, да с такой силой, что мой «секретный планшет» чуть не улетел из моих рук.

– Наш самолет вошел в зону турбулентности, – раздался голос командира по трансляции. – Просьба занять свои места и застегнуть привязные ремни.

Алексей Данилов

После того как Сименс меня разместил – разумеется, в люксе лучшей гостиницы города, – он вывел нас поужинать в ресторацию. Ресторан тоже был не из дешевых. Мои привычки антрепренер знает. В том числе, что перед началом работы я никогда не стремлюсь к уединению. Например, к отдельным кабинетам в пищевых точках и прочему. Наоборот, чем больше людей снует вокруг – тем лучше. Мне ведь надо в новом городе настроиться на волну окружающих. А она – эта волна, нерв или драйв, не знаю, какое слово подо-

братъ, — в каждом достаточно большом населенном пункте своя и на прочие непохожа. Пульс Энска мне нравился. Он был южным, горячим, бодрым — аж слегка захлебывающимся. Чувствовалось, что люди здесь проживают нетерпеливые, бойкие, любящие черпать жизнь полной ложкой. А может, мне просто вспоминались флюиды местности, что я впитал в детстве, и оттого чувствовал себя здесь, как дома. Будто в детстве, когда вечно куда-то спешишь и каждый день надо сделать сто дел.

Кулинария Энска всегда походила на его жизненный стиль. Главной ее фишкой было острое, перченое, горячее. Однако раньше, в моем детстве, солености и острые блюда делались дома искусными руками местных умелиц. Моей, например, мамы. Мариновались помидоры, замачивались яблоки, перемалывалась в мясорубке баклажанная икра. Теперь частные рецепты выползли в меню ресторанов. Мы попросили у официантки, жгучей матроны, подать что-нибудь «острое, национальное». Взяли в итоге для разгона солений: моченые куски арбуза и яблоки, маринованные баклажаны и перцы. Заказали также на двоих блюдо под названием «ведро раков» — которое и впрямь представляло собой громадную гору только что сваренных членистоногих, поданных в оцинкованной посудине. Под такую закуску грех не выпить ледяного пива или водочки из запотевшего штофа, скажете вы, и угадаете, но только наполовину. Сименс — да, он ни в чем себе не отказывал, вытребовал у официантки

одновременно и янтарного, пенного напитка, и прозрачного, ледяного. А вот я – остерегся.

Перед работой – как, впрочем, и во время нее – я не пью. Полный сухой закон. Пробовал я «для вдохновения» поддавать в процессе своего хоть и необычного, но труда. Результат выходил самый плачевный. Я путался, потел, ошибался, видел не то, шел не туда... Словом, после двух-трех экспериментов с горячительным я от спиртного практически полностью отказался. И не только во время гастролей, но и вообще. Что поделаешь. Оперные певцы, вон, чтобы *свой* дар сохранить – голос, – в шарфики кутаются, на морозе не разговаривают, да и совсем стараются на холоде не бывать. А я про себя понял: чтобы собственную способность не потерять – не следует принимать внутрь всяких расслабляющих или мобилизующих препаратов.

Честно говоря, по данному поводу я уже и не страдаю. И выпивающему Сименсу особо не завидую.

Тем более что вкусная, сытная еда, а также граждане, прикладывающиеся рядом к рюмкам, заводят меня настолько, что иному такого состояния с помощью водки не достичь.

Мы с Сименсом чистили богатырских раков, ведро уж подходило к концу – равно как двухсотграммовый запотевший графинчик. И тут мой антрепренер и приятель вдруг спросил:

– Слушай, Алеша, а загробная жизнь есть?

– По-моему, вопрос явно не по адресу. Зашел бы в тот

храм возле базара – тебе бы батюшка все толково разъяснил.

– Я не хочу батюшку. Он мне растолкует, как ему по службе положено. А я хочу по правде.

– Мне-то откуда знать.

– Кому, как не тебе.

– Меня в такие сферы пока не звали.

– Ну, у тебя хотя бы гипотезы имеются?

– Что тебя, Сименс, вдруг в одиннадцатом часу ночи на такие разговоры сурьезные потянуло?

– А когда еще? Начиная с завтра, по утрам ты уже будешь озабоченный, а вечерами – затраханый. Не побеседуешь. Я порой даже за столом хлеб передать у тебя боюсь просить. А потом – в Москву, а там мы и не общаемся лично, если ты не помнишь. Все – электронная почта, в лучшем случае телефон.

– А почему тебя вдруг этот вопрос заинтересовал?

Сименс ответил, не думая, с обезоруживающей прямоотой, вызванной, очевидно, выпитым графинчиком:

– Старый становлюсь. Умирать не хочется.

– А кому хочется... По этому поводу, знаешь, есть у меня одна-две гипотезы – но это исключительно мои собственные умопостроения, – никто мне их не нашептал и не внушил. И вообще: никаких диалогов с высшими силами я, как ты знаешь, не веду.

– Понятно-понятно. Но тем интересней твое личное мнение. Незамутненное, так сказать, приказами высших сил.

– Старый ты плут и прохиндей. И льстец.

– Все равно, Алеша, ты вот меня оскорбляешь – а я хочу услышать твоё суждение.

– У меня гипотеза такая: мы, какие мы есть, со всей нашей памятью, мечтами и помыслами, – всего лишь информация.

– Это как?

– Ты флэшками пользуешься? Впрочем, что за вопрос. Я знаю, что пользуешься. Ну, и скажи, что с информацией на флэшке бывает, когда её выкинули, испортили, раздавили?

– Портится она.

– А если данные с неё перед этим в какой-нибудь компьютер переписали?

– Останется в компе.

– Вот именно. И если комп сделан из неубиваемых элементов – какой-нибудь дата-сервер с двойным, тройным дублированием, – будет жить сия информация, Сименс, вечно.

– Мне нравится твоё аналогия, Алеша, – задумчиво проговорил мой собеседник.

– Спасибо.

– Вопрос, значит, только в том, найдется ли Кто-то, чтобы перекинуть твою информацию с флэшки, то есть с нашего бренного тела, на Большой и Очень Центральный Процессор.

– Да, Сименс. Есть и ещё один вопрос: а будет ли твоё или моя информация представлять интерес? Столь большой, чтобы её переписывали на этот компьютер и хранили вечно?

– Это как бы вопрос об аде и рае.

– Наверно. Но это все мои дилетантские построения.

– Нет-нет-нет! Человек, который видит людей насквозь, не может ошибаться.

– Благодарю тебя, конечно, Сименс, и за «насквозь» и за «не может ошибаться», но ты бы лучше в церковь ходил.

– Я лютеранин.

– Да? Я и не знал. Тогда собор Петра и Павла в Старосадском переулке ждет тебя.

Во все время нашего богословского диспута я исподволь посматривал, чем заняты прочие посетители ресторана – а их было много, почти все столики заняты. Еще бы – четверг, вечер, почти что конец рабочей недели. Гости заведения проводили время, как и положено визитерам кабака: пили, дымили, ели, кадрилились друг с другом. Однако при этом я чувствовал исходящую от них некую эманацию. Она была направлена на меня, и я от нее ощущал неудобство – вроде чесотки. Наконец, я сформулировал, в чем оно, неудобство, заключалось. Некоторые из местных, поблизости сидящие, слишком большое на наш столик внимание обращали. Я бы понял, когда подобное происходило бы в конце моих *гастролей*. Но в первый же день? Когда я еще ничего не показал? Ничем не удивил? Да, Энск мой родной город – но я так давно уже не был здесь, и у меня практически никого тут родных и знакомых не осталось. Я, конечно, мог бы *просканировать* не в меру любопытствующих и разобраться, чем

вызван интерес ко мне ресторанной публики. Но зачем тратить усилия, расходовать свой *дар* по пустякам?

– Послушай, что они на меня так пялятся? – ворчливо, словно примадонна, бросил я Сименсу.

– Пиар у тебя хороший, – мгновенно отвечивал мой спутник.

Официантка во все время нашего разговора о душе и флэшках маячила в районе бара с чрезвычайно загадочным и предвкушающим выражением. Чувствовалось, что только хорошее воспитание (а скорее, ресторанная школа) мешает ей прервать наш с Сименсом высокоумный диалог – ведь у нее, ох, имелось, что нам сообщить, прямо с языка срывалось. И как только градус нашей беседы чуть снизился, она подрулила к столику. Однако начала, как положено воспитанной девочке, издали:

– Десертик не желаете? Есть домашний мармелад, блинчики, шарлотка, тирамису.

– Как насчет раков в шоколаде? – ухмыльнулся чуть перебравший Сименс.

– Если предпочитаете стиль фьюжн, могу предложить сыры с изюмом и вареньем, – мгновенно отыграла официантка. – Или свинину с мандаринами в апельсиновом соусе.

Они вообще люди остроумные и быстрые, жители моего Энска. Швы́дкие, как говаривал мой дед.

В итоге я заказал, как бы в память о моей маме, торт «Наполеон» местной выпечки, а Сименс ограничился капучино.

И тут подавальщица чуть склонилась ко мне и молвила:

– Тут с вами поговорить хотят. Тет-а-тет. Можете уделить внимание даме?

– Поговорить? О чем? – мгновенно напрягся Сименс. В его обязанности как антрепренера входило, чтобы никто не попытался получить мою *консультацию* даром или в обход очереди. Впрочем, иногда я бесплатно все-таки принимал – когда *видел*, что человек *действительно* не может заплатить и ему моя помощь чрезвычайно нужна. И каждый раз Сименс бурчал на мою благотворительность.

– Есть здесь люди, которые вашу матушку помнят, – таинственно проговорила дама.

И правда: ведь мы вступили на территорию города – может быть, единственного на Земле, – где моя биография как частного лица означала больше, чем все мои экстрасенсорные способности, вместе взятые.

Варвара Кононова

Первым делом я показала портье свое удостоверение. И так как в природе не было никаких ксив, что подтверждали бы мою (как и других сотрудников) службу в *комиссии*, документ был «всего-навсего» корочкой капитана ФСБ. Впрочем, этого оказалось совершенно достаточно, чтобы портье проникся.

– У вас поселился Алексей Данилов? – спросила я.

– Минутку. – Клерк резво полистал компьютерную базу и отапортовал: – Никак нет.

– А некий Сименс, Павел Мартинович?

– Тоже нет.

– Понятно, – вздохнула я вроде бы удрученно. – А мне нужен номер, пока на сутки, дальше будет видно.

Разумеется, мне ни в коем случае не годилось оказываться с моим подопечным в одной гостинице. Все-таки мы с ним виделись – пусть десять лет назад, но тем не менее. Я-то, понятно, Данилова не забыла – я его, можно сказать, куратор. Но ведь и он меня встречал в ситуации для себя экстремальной. И числил врагом или по меньшей мере противником. К тому же при его способностях... Да, наверно, он узнает меня, если мы снова вдруг столкнемся лоб в лоб. В огромной Москве случайной встречи можно не бояться – а вот в Энске, пусть даже в разных гостиницах... К тому же в данном случае против меня играла моя внешность. Полковник Петренко, когда мы с ним, можно сказать, подружились, сообщил по секрету: когда рассматривался вопрос, брать ли меня в оперативный отдел комиссии, *кадры* были очень против – ввиду моей выделяющейся и запоминающейся внешности. «Вот научный отдел, – говорили там, – другое дело! А на оперработе не годится: девушка – сто семьдесят семь рост, и вес, мм, тоже росту соответствует». – «Вы страшный человек, товарищ полковник, – помнится, сказала я ему тогда, – вы даже знаете мой вес». – «И не только вес. Объем вашего,

хмм, ай-кью, тоже».

В сущности, вот на таких отношениях – товарищеских, веселых, доверительных – и держалась наша служба. Да на том, что временами она была жгуче интересной. А на чем еще? Не на денежном же довольствии – узнав о размерах которого вот этот портье (подобострастно сейчас на меня глядящий) помер бы со смеху?

– Простите, вам номер с видом на море? Или в сад?

«Какой там сад, – подумала я. – Три чахлых тополя да две пятиэтажки».

– На море. И повыше.

– Сделаем.

Внутри гостиница полностью оправдывала ожидания, которые навевал интерьер: слегка подкрашенный советский стиль. С ума сойти, в номере даже проводной громкоговоритель имелся! А еще холодильник «Юрюзань» ростом с карлика и чугунная ванная с потертой эмалью. Впрочем, из кранов текла и горячая, и холодная вода, а ветер с моря задувал в щели оконных переплетов довольно умеренно. Что еще нужно бедной командированной!

Я не успела развесить кофточки с брючками в скрипучий шкаф – зазвонил телефон. Я глянула на дисплей – черт, Боря Федосов. Минуту подумала, потом решила все-таки ответить.

– Ты где? – жестковато спросил он.

– А почему тебя это волнует? – Я тоже умею быть жесткой.

Он немного снизил градус противоборства:

– Варя, ты мне нужна.

– Зачем? Сварить макароны? Застелить постельку?

– Постельку? Да, тоже. Это, можно сказать, самое главное в нашей жизни.

– Послушай, мы, кажется, с тобой договорились: между нами все кончено.

– Нет, Варя! Ничего мы не договорились! Ничего не кончено! Ты где? Давай встретимся, поговорим.

– Я на задании.

– Плевать. Я подъеду.

– Меня нет в Москве. Я в командировке.

– Ах, в коман-ди-ров-ке! – глумливо протянул он. – Это так называется! С кем же ты, интересно, *командировалась*? Кто твой партнер?

– Пошел в лес, Боря. – Поживешь с такой персоной, как капитан МВД Федосов, еще и не такому лексикончику выучишься. Я нажала на «отбой» и трубку решила больше не брать. Он звонил еще три раза – я не отвечала. Спокойно развесила кофточки и брючный костюм в шкафу. Потом опять позвонили – номер был незнакомый, московский, и я подумала, что это насчет размена папиной генеральской квартиры. Черта с два – это снова оказался Федосов.

– Прости меня, Варя. Я виноват. Я леплю всякие глупости. Но это от того, что я хочу быть с тобой. Когда я представляю, что ты уйдешь, а я останусь один, голову теряю. Мне хочется

рвать и метать.

– Вот именно, – вздохнула я. – Рвать и метать. А я хочу – нормальной, спокойной жизни.

– Подожди! Я неправильно выразился! Ну, дай мне еще хотя бы один шанс!

– Ладно, я приеду, поговорим.

– Нет! Давай сейчас! Ты где? Я сейчас сам приеду!

– Я же тебе сказала: я в командировке, далеко.

– Да?! Ловко придумала. Ну-ну. Я ведь сейчас пробью твой номер и узнаю, где ты находишься, и если выяснится, что ты опять у своего полковника, то я...

– Иди ты в сад, Боря! – второй раз на протяжении получаса послала я Федосова и второй раз на полуслове бросила трубку.

Опять купилась на его разводки! Подумать только! Теперь он меня к полковнику Петренко вздумал ревновать! Полковник, ха. Я, может, и хотела б разделить свою жизнь с Сергеем Александровичем, невзирая на то что он на десять лет меня старше и на шесть сантиметров ниже ростом. Да только полковник настолько самозабвенно любит своих девочек, жену Ольгу и дочку-подростка Юлю, что, невзирая на добрые товарищеские отношения между нами, места для меня в его сердце уже никак не остается. А этот идиот Федосов! Большой он, что ли? Бред ревности у него? Как только переаттестацию в полицию прошел? Он один раз увидел, как мы с Петренко вместе возвращаемся с обеда! И накрутил в своей

голове неизвестно что!

Нет, поняла я вдруг с грустной безнадежностью, ничего у нас с Борей больше не склеится. Ничего и ничего. Признавай, Варька, – ты опять осталась *одна*.

Слезы вдруг стали душить меня, и я бросилась ничком на кровать. Если уж плакать, то надо выплакаться до доньшка. И я ревела, а ветер с моря свистал в оконных щелях и мотал веревку с прищепками, предусмотрительно натянутую администрацией гостиницы на балконе.

Глава вторая

Алексей Данилов

Если Господь дает что-то (а я все ж надеюсь, что мой дар дал мне Господь), он что-то и отнимает. Если твои способности приносят деньги, известность, комфорт – не может быть, чтоб ты пользовался им безнаказанно. В моем случае расплата – неожиданные обмороки, потери памяти. Они настигают меня внезапно (но только не во время работы) и длятся порой несколько дней. Самый долгий и тяжелый приступ случился, когда умерла мама. То был, кстати, одновременно и самый первый приступ моего беспамятства.

Поклонники латиноамериканских сериалов могут сделать вывод, что на меня, сиротинушку, так повлияла гибель самого родного человека. Потрясенный, я, дескать, стал сизмальства страдать неким загадочным заболеванием. Отсюда возник мой *дар*. Однако ж я не любитель «мыльных» опер. И ежели врачи в один голос говорят: этиологический фактор потери памяти неясен – значит, так оно и есть.

Из тех времен, когда умерла мама, у меня в памяти сохранилось лишь одно воспоминание: мы с отцом сидим на заднем ряду самолета «Як-42». Он везет меня в Москву, лечить. Маму уже похоронили, но я не помню ни тела, ни гроба, ни

похорон, ни поминоков. Может, и впрямь то была защитная реакция организма. Но в таком случае он, организм, умнее или подлее меня – потому что я бы, конечно, хотел последний раз увидеть мамочку.

Не довелось.

Поэтому, когда в ресторане в Энске мне сказали, что хотят поговорить о моей маме, я сразу клюнул. Сейчас, по прошествии более чем двадцати лет, воспоминания о ней больше не доставляли мне боли – только печаль и ностальгию.

– Хорошо. Пусть она подойдет, – сказал я официантке. – Ты не против? – довольно формально спросил я у Сименса.

– Я не за, – откликнулся мой антрепренер. – Совершенно ненужные пертурбации перед неделей напряженнейшей работы.

– Брось. Может, я, наоборот, лучше настроюсь.

– Они хотят тет-а-тет, – вмешалась официантка. – Может быть, вы выйдете на террасу? Я принесу вам плед. И чайку горяченького?

– Давайте. Спасибо.

Официантка распахнула мне витрину-дверь, в кабак вошел морской ветер, зашевелил занавесями, углами скатертей. Я вышел на террасу – море расстилалось передо мной во всем темном великолепии. В наползающем сумраке только что включили маяки, и контейнеровоз в компании с буксиром входил в порт мимо маяков и молов.

подавальщица принесла мне чай, усадила, укутала ноги

плодом – я стал похож на Рузвельта во время Ялтинской конференции.

А через минуту явилась мадам. Она выглядела южанкой – жгучая, но увядшая казацкая красота. Однако сразу создавалось впечатление, что ее точат, не находя выхода, сильные, но, пожалуй, измененные страсти. Женщина была худа (что нехарактерно для юга и ее возраста) – психологические черви сжирали ее изнутри. Я сразу пожалел, что согласился с ней встретиться – но взялся за гуж... Я приподнялся и, в нарушение этикета, первым протянул женщине руку. Я стараюсь всегда и со всеми здороваться рукопожатием. Через соприкосновение ладоней очень много информации обычно передается, и подготовленный человек изрядно может о своем контрагенте узнать. И в данном случае дама подтвердила мою догадку, что ее испепеляют чувства, которым она не в силах дать волю из-за так называемого «хорошего воспитания» и высоких требований к окружению. Подавленные фрустрации приводят ее к постоянным конфликтам в семье, на работе, в быту. Она даже нашей официантке, оказавшей ей любезность, готова была наглубить, придравшись к мелочам. И в мой адрес готова была разразиться бранью – при том, что испытывала ко мне теплые, чуть ли не материнские чувства. Но в целом ее намерения по отношению к моей персоне являлись довольно светлыми. Она ничего не желала от меня получить – просто хотела помочь мне. Что называется, открыть глаза.

– Чаю хотите?

– Ты вырос, Алешка, – не ответив мне, произнесла она, очевидно, подготовленную заранее фразу. – Ты меня, наверно, не помнишь. А я видела тебя два раза. Она тебя к нам на работу приводила. Мы с ней в одном отделе работали. Ты такой хорошенький был, маленький.

Она запнулась, и я понял, что она хотела добавить: «Ты и сейчас хорошенький», – однако демоны порядка и хорошего воспитания не позволили ей произнести в адрес молодого мужчины комплимент – вдруг *не так поймут*. Я эту гражданку, конечно, совершенно не помнил. Дети запоминают обычно красивых. А она и двадцать лет назад наверняка выглядела ни то ни се. Но где-то на маминой работе она скорее всего действительно присутствовала. Комната, где мама трудилась, была огромной. Называлась: «Отдел». Столов двадцать, наверное. Почти одни женщины. Две обязательно разговаривают по двум телефонам в разных углах комнаты. На каждом столе – простыни-таблицы с цифрами. Стоят арифмометры – железные тяжелые кастрюльки, которые выдают результат вследствие вращения ручки. Кое у кого – счеты. Где-то калькуляторы – ламповые еще, питающиеся от сети, величиной с нынешний айпед.

Все пытаются мне, мальчику, услужить. Наливают чай, достают пряники, варенье, соломку. Усаживают. Даже фломастеры из каких-то секретных ящиков вынимают, бумагу раскладывают – рисуй, мол...

Так что спасибо вам, неизвестная мамина сослуживица, – вернула мне кусочек детства. Но что тебе надо от меня еще?

– Я не знаю, надо ли об этом говорить, но... Я всегда хочу, чтоб торжествовали правда и справедливость. Я о твоей маме. Ты знаешь, как она умерла?

Я ждал чего-то в подобном духе. Был готов: что здесь, в Энске, кто-нибудь эту тему затронет. Может, только ради этого сюда и приехал.

– Я-то знаю, как она умерла. А у вас что, есть другие версии?

– Тебе, Алеша, сказали, что она упала со скалы, правильно? Но вот почему она упала, ты в курсе?

– Ну, и почему же?

– Я не знаю. И я очень бы хотела, чтоб ты выяснил. И я могу дать тебе одну наводку. В то время у твоего отца завелась любовница. И, я знаю, твоя мама как раз тогда раскрыла его тайну.

Да! Беседа с правдолюбицей все-таки закончилась мерзостью, кислятиной, тухлятиной. Мне хочется схватить мою собеседницу за шею, подтащить к обрыву и тоже сбросить на камни. Но моя работа – в тесном взаимодействии с клиентами – приучила меня не давать воли своим эмоциям.

– Вы что же, намекаете, что это мой отец убил маму?

– Не знаю. А может быть – его любовница? Или твоя мать ушла из жизни сама?.. Ты большой человек, Алешенька, у тебя большие способности, неужели ты приехал сюда, в Энск,

просто так? Неужели не попытаешься отыскать истину?

– Спасибо за информацию. А имя, фамилию, адрес вы знаете?

– Чей адрес? – пугается она.

– Любовницы моего отца.

– Нет, не знаю. Да его и вряд ли кто знает.

– Так, может, и не было ее вовсе?

– Нет, Алешенька, была, – проговорила дама печально. – Я это знаю. Чувствую. Честное благородное слово.

Варвара Кононова

Отплакавшись, я, как обычно бывает со всеми нормальными людьми, почувствовала себя легче. И поняла, что в душе распростилась с Борей. Прощай, товарищ Федосов. У нас с тобой не сложилось. И горечи, и печали по случаю расставания я уже не испытывала. Что ж, ушел один парень – придет другой.

Единственное только – годы на этих идиотов я бесцельно тратила. И временами начинала чувствовать, что меня как будто аж распирает нетерпение. Один поезд ушел, другой, третий усвистал – я все торчу на платформе, как бы не постоять здесь в одиночестве всю жизнь!

Против нетерпения, скапливающегося будто воздушным пузырем где-то в районе малого таза, имелось одно хорошее средство: работа. Тем более ее все равно мне требовалось

выполнять.

Я позвонила в самую крутую гостиницу Энска. Само собой, граждане Данилов и Сименс остановились там.

Теперь осталась рутина: узнать, где Данилов будет вести свой прием. И проследить за ним. Отсмотреть, не окажется ли в числе его клиентов гражданка Вероника Климова. И не встретится ли с ней мой подопечный, что называется, в частном порядке: случайно, на улице, в кафе, на променаде. В столице мы в *комиссии* не заморачивались, когда двое или больше наших *поднадзорных* оказывались в городе в один и тот же промежуток времени. Москва огромна, шансы на случайное randevu ничтожны. Но когда парочка вдруг очутилась в населенном пункте численностью в пару сотен тысяч – вероятность возрастает в сотню раз. До такой степени, что начинаешь думать: не дай бог.

Мне следовало идти с другого конца: пасти юную гражданку Климову. Она у нас состояла под постоянным наблюдением. Вели его местный участковый полиции и оперуполномоченный ФСБ. Разумеется, мы, *комиссия*, не сообщали им, в чем дело. Интерес наш к девушке был легендирован. Полковник Петренко учил (а потом еще и проверял): легенда должна быть близка к правде (но в то же время ни в коем случае на истину не наталкивать). Поэтому в данном случае прикрытие было следующим. В период обучения в вузе в городе К*** наша девушка якобы связалась с шайкой фальшивомонетчиков. Так как обучалась она на художественном

факультете и обладала недюжинными способностями к живописи (что являлось чистой правдой), Климову якобы постарались привлечь к рисованию фальшивых бумажек. Она начала изготавливать макеты тысячерублевых и стодолларовых купюр – но спустя пару месяцев «работы» сама пришла в ФСБ города К***. Банду взяли. Судили. Девушка, естественно, осталась на свободе – а там и учеба подошла к концу, и она вернулась в родной Энск. И тут за ней требовалось присматривать: во-первых, согласно легенде, не ровен час, что она, вкусивши легких заработков, снова ступит на кривую дорожку фальшивомонетчицы. А может, напротив, ее найдут бывшие подельники, узнавшие, что она сдала банду, и решившие с ней расправиться. Итак, такова была легенда для местных.

Рапорты по разработке Климовой пересылали нам в *комиссию*, и я их регулярно читала. Конечно, по большей части они были формальностью. «Подозрительных контактов не выявлено, живет по средствам, в употреблении наркотических веществ не замечена». И сейчас мне хотелось лично поговорить с опером, что разрабатывал молодую Веронику. Во-первых, он встречался (по крайней мере, должен был в ходе наблюдения) с героиней. Во-вторых, я сама хотела посмотреть на нее. А в-третьих, не влезая в чужую компетенцию, я могла помочь организовать негласное наблюдение за Климовой – на время, пока Данилов в Энске.

Мы с участковым договорились встретиться у дома Веро-

ники Климовой. Я оделась, спустилась в холл (портье ел меня глазами, как первогодок) и попросила его вызвать такси.

Через пятнадцать минут я уже подъехала к стоящим в ряд длинным пятиэтажным панелькам. Когда-то, лет сорок назад, эти дома, наверное, были предметом восхищения людей, что выбирались сюда из коммуналок, из изб с удобствами во дворе (и банями по субботам). Но теперь на немые треснувшие панели, низкие потолки, прогнившие рамы тяжело было смотреть. А ветер все шумел и шумел в кронах тополей, выросших уже выше пятиэтажек.

Опер Баранов ждал меня в неприметной машине: синей «Нексии» с наглухо тонированными стеклами.

Я села на переднее пассажирское сиденье. Баранов оказался веселым, разбитным брюнетом с чубчиком.

– Привет, Варвара Батьковна! – радушно поприветствовал он меня. – Я Егор. Поцелуемся по случаю знакомства? – И погладил мою коленку.

– Слушай, старлей, тебе не повезло. У меня сейчас нет а-б-солютно никакого желания завязывать любые отношения, помимо служебных. Поэтому если ты снова начнешь делать телодвижения в мою сторону, я напишу на тебя рапорт, понял? Или сломаю нос. Или и то и другое вместе. Давай сосредоточимся на работе – и без обид.

– Обид? Тебя, по-моему, кто-то действительно обидел – но, видит бог, это был не я.

– Я не хочу обсуждать с тобой свои обиды, действитель-

ные или мнимые, — как и другие личные дела.

— Все-все, товарищ капитан, давайте формально. Что вас интересует? Гражданка Климова?

— Да. Вы с ней встречались?

— Конечно, встречался, коль разрабатывал.

— Ну, и ваше мнение? Личное, собственное?

Он фыркнул.

— Деффка резкая. Однако никакого криминала не летает с ней рядом даже близко. Может, налоги только зажимает, да и то не она сама, а ее работодатель. А работает она в «Бересклете» — это такая фирма у нас, для богатеньких делает дизайн участков, квартир, домов загородных. Она там типа художницы. Живет с отцом, матерью — здесь, на первом этаже, в двушке. Мечтает, конечно, выбраться. Замуж выйти мечтает, как все девчонки. Я раз поговорил с ней — типа, повелся на ее неземную красу. С мужиками она дева непростая. Типа ваших москвичек. Хочешь встречаться? Давай, плати. В клуб приглашай. В ресторан. Сейчас с одним богатеньким крутит. Сыном нашего прокурорского работника. Он ее на байке катает — да она и сама обучилась. Кстати, она, судя по расписанию, скоро домой пойдет. Сможете лично полюбоваться.

— А что-нибудь необычное вы за ней замечали?

— Необычное?

— Ну, не знаю. Асоциальное поведение, например. Пришла на горпляж голой купаться. Или вызывающая одежда.

Пьянство. Наркотики. Легкие, тяжелые.

– Нет. Выпивает, как все. Кто сейчас не выпивает!

«Похоже, у девушки и впрямь дар не прорывается в самые благодатные, горячие юношеские времена. Неужели та вспышка так и осталась для Вероники Климовой единственной? Может, она и позабыла обо всем?»

И тут девушка появилась.

– Смотрите, – молвил Баранов и хотел потянуть меня за рукав, но вспомнил, видать, мою отповедь и отдернул руку.

К подъезду подъехал мотоцикл с двумя седоками. Рыкнул и встал. С заднего сиденья соскочила девушка. Она была худенькая, маленькая, в курточке и джинсах. Сняла шлем, рассыпала по плечам волосы. То оказалась она, Климова. Водитель тоже снял шлем, взял девушку за предплечье, потянулся поцеловать. Она легко вырвалась, замотала головой, засмеялась – и исчезла в узкой норе подъезда. Парень спрятал ее шлем в багажник, надел свой и заквакал своей никелированной машиной.

– И впрямь, деффка резкая, – пробормотала я вслух.

Сердце у меня тревожно сжалось. Почему-то вспомнилась, как Данилов первый пик своих сверхъестественных способностей выдал. Тогда в его жизни тоже фигурировали девушка и мотоцикл. А уж если он вдруг сейчас снова влюбится? Да не в простую девушку. Если он столь же сильную, как сам, биоэнергооператоршу встретит? Тогда ведь мир может покачнуться.

Алексей Данилов

Гадкое чувство, разумеется, осталось у меня после разговора с бывшей маминой коллегой. В том, что у папули были любовницы, я и не сомневался. Они с непреходящей регулярностью сменяли друг дружку после того, как мамы не стало. Значит, ничего особенного, чтобы одна-две-три были при ее жизни. Батя мой считался мужчиной видным, властным, а с некоторых пор и богатым. Даже трудно себе представить, чтоб у советского директора завода не было бы любовницы. Но я не мог допустить мысли, чтобы наличие у него любовницы стало причиной маминой смерти. Живая, бодрая, жизнерадостная, неунывающая – такой она запомнилась мне. Такой ее вспоминали все вокруг. И чтобы она покончила с собой? Да еще столь варварски и некрасиво (с точки зрения визуальных последствий) – бросилась с обрыва? Никогда я не поверю. Она б скорее моего папашу с обрыва сбросила. Или довела б его до того, чтоб он сам сбросился. Хотя это я, пожалуй, завираю. Если мои воспоминания о матери еще можно считать приукрашенными безудержной детской любовью – то отца не стало, когда мне уже за двадцать было. И его-то я не просто помнил, но – знал. В том числе просвечивал его – благодаря своим экстраординарным способностям. И, да: был он харизматичным, властным, жестким, твердым. Он порой плутовал, привирал, жульничал – а как

иначе может жить у нас крупный руководитель! Но чего-чего, а крови на нем нет. Ни несговорчивых конкурентов, ни тем более кого-то из семьи. Особенно мамы.

Поэтому разговоры худой крысы, все ее гнусные намеки оставили у меня неприятное ощущение вроде изжоги. Но сработал настоящий метод Яго: достаточно посеять сомнение. Потому что когда я вернулся с террасы к столу ресторана, сказал Сименсу:

– Здесь, в Энске, как ты знаешь, умерла моя мать. Я хочу расследовать, почему. Поэтому найди мне людей, которые знали ее. И моего отца в те годы. Самое предпочтительное – если отыщешь тогдашнюю любовницу моего бати.

– Когда ж я с этими делами своими непосредственными обязанностями заниматься буду!

– Ну, ты, Сименс, знал, куда мы едем. И что с этим городом у меня особые отношения. И это ты настоял, чтобы мы сюда отправились, разве нет?

Варвара Кононова

Потом опер отвез меня в отдел на совещание по поводу негласного наблюдения за Даниловым и юной Вероникой Климовой. В этом было нечто волнующее и, не побоюсь слова, даже возбуждающее: когда семеро мужиков, военнослужащих, в форме и в гражданском, сидят и выслушивают *мои* циркуляры. Мир вообще заточен под мужчин, у нас в стране

– особенно, а уж про спецслужбы и говорить нечего. Поэтому всегда, когда мне предстояло солировать на совещаниях, я испытывала мощный выброс адреналина и целую гамму сильных чувств. Сначала, конечно, дикое волнение. Потом мне удавалось его побороть – но тут начинались пацанские взбрыки. Никогда, ни единого раза, эти самцы не покорялись мне безропотно. Все время, когда мне доводилось выступать, они меня прокачивали: насколько я компетентна? Сильна? Умна? Действовали разными методами, от хиханек до истерики, и противоборствовать им приходилось решительно, незамедлительно, искусно. Зато потом, когда в итоге, наконец, удавалось с ними справиться – я ощущала восхитительное чувство победы. Эмоция, пожалуй, даже к оргазму близкая: укротить, покорить, оседлать семерых жеребцов!

– Попрошу ваши вопросы, – предложила я, закончив свой краткий доклад.

– Чем связаны два объекта «наружки» – этот ваш московский гастролер Данилов и наша Климова?

– На этот вопрос я отвечать не уполномочена.

– Каков смысл негласного наблюдения? Что мы должны заметить? Наркотики, оружие, подготовку теракта?

– Самое главное: заметить момент, когда московский гость Данилов приближается к вашей девочке Климовой. Или – она к нему.

– Мы что, на его жену работаем? – Как парня ни укрощай, он найдет повод перед девушкой выкобениться. Особенно

перед той, что выше его по званию или по положению.

Другой подхватил – им дай только волю позубоскалить:

– Или на ее мужика?

– Вы плохо подготовлены. Вопросы ваши неуместны. Вы должны были, товарищи, ознакомиться с объективками на обоих и знать: ни он не женат, ни она не замужем. Больше того, доложу вам: они незнакомы. И мы любыми способами должны не допустить их встречи. Понимаете, любыми. Вплоть до физического уничтожения – обоих.

– Они, как боеголовка, что ли? Две части сблужишь – ядерный взрыв?

– Кто знает, может быть, даже хуже, – серьезно отвечала я.

Разумеется, энские филеры мне не поверили. А зря.

Алексей Данилов

И номер в гостинице был роскошен (в понимании, конечно, провинциальных хозяйчиков и дизайнеров), и притомился я после перелета достаточно, а все равно было не уснуть. Я выходил на балкон, смотрел на море, слышал неумолчное гудение порта, постукивание буксиров, видел помаргивание огней на другой стороне бухты. От этих звуков и зрелища само собой в сердце просыпалось детство. Некогда мы жили с мамой и папой в трех кварталах от теперешней моей гостиницы, и наши окна так же выходили на море, и самым первым моим воспоминанием была картина ночного порта.

А потом моя здешняя жизнь вдруг в одночасье оборвалась – когда погибла мама и отец вывез меня в Москву. И вернулся я сюда только в день свадьбы с моей первой женой Наташей. «Первой женой», – усмехнулся я своему собственному определению – как будто у меня есть или будет вторая, третья и прочие. Нет, после горячей любви и столь же горячей неудачи с Натальей я понял, что женитьба – институт, предназначенный не для меня. Когда в процессе совместной жизни потихоньку выясняется, что ты видишь своего любимого человека *действительно* насквозь... Когда у него от тебя не остается ни единой тайны... И если ты берешь за руку незнакомца – и уже многое о нем знаешь, – то как быть с еженощным сплетением тел в койке? А у нее, твоей благоверной, нет ни малейшего шанса сыграть на равных, то есть узнать о тебе хотя бы даже одну десятую часть той подноготной, что ты знаешь о ней... При подобном раскладе тебе будет вечно неловко. И стыдно, и скучно. А ее такая ситуация начинает постоянно злить.

Вначале, конечно, великолепно, что ты можешь угадывать все самые потаенные чаяния партнерши. Зато потом, когда тебе волей-неволей приходится прочесть ее мысли: «Опять он лезет. Как он надоел. Каждый раз одно и то же» – страсть, да и любовь, остывает. Поэтому развод, последовавший через два года после нашего с Наташей брака, стал для нас обоим избавлением.

И в дальнейшем у меня были, конечно, связи, но я запре-

щал самому себе увлекаться и чуть не насильно выключал свой дар – в койке и около, чтобы тонким чувствованием партнерши не произвести на нее слишком уж благоприятное впечатление.

Варвара Кононова

Говорят, что вид на море успокаивает. Потому, дескать, норвеги, эстонцы и прочие финны столь тихи и размеренны. Но меня он будоражил – даже невзирая на дикое желание спать и полный событиями уходящий день. Иной раз за неделю столько событий не случается, как за один сегодняшний день. Срочный перелет в Энск и дикие воздушные ямы по пути. Ругань с моим участковым Борей Федосовым и с попавшим под горячую руку энским опером. Девчонка Климова, произведшая на меня ощущение «оторви и брось». Совещение в местном горотделе, организация негласного наблюдения. В мозгу роились проговоренные фразы и планы на завтра. А еще томило ощущение неопределенности: вдруг Данилов и Вероника и правда встретятся? Что от этого будет и будет ли вообще?

Петренко своих сотрудников – в том числе меня – учил жестко: рассчитывать и готовиться всегда надо к самому худшему варианту. Тем паче прецедент наиболее омерзительного развития событий уже имелся: девяносто седьмой год, спецоперация «Бирюза», когда *комиссия*, если говорить, по-

ложу руку на сердце, сама устроила настоящий коллапс.

Москва, 1997 год

Генетическое исследование зарегистрированных биоэнергооператоров было замаскировано под обычный медосмотр: дышите – не дышите, читайте буквы по строчкам, положите ногу на ногу и тому подобное. Достаточно было просто взять мазок слюны, но один-единственный такой анализ сразу рождал бы в пациентах рой догадок и вопросов. А тут, кто его знает: то ли о здоровье заботятся, то ли в космос собираются запускать (как шутили отдельные острословы).

На всякий случай, из перестраховки организовали медосмотр так, чтобы пациенты не пересеклись. Поселили их в разных гостиницах, разбросанных по всей Москве – не в «России», конечно, а уровня «Золотого колоса». Строго-настрого велели каждому не опаздывать и вперед не забегать: назначено в четырнадцать ноль-ноль, извольте к указанному сроку явиться. Единственное, что не предусмотрели (да и сэкономили, признаться): разъездных машин *иным* не предоставили, заставили по Москве своим ходом передвигаться.

И вот однажды, выйдя из нашей поликлиники на ***-ской улице после «медосмотра», зарегистрированный биоэнергооператор из Твери по имени Василий Качалин, двадцати семи лет, решил выпить пивка. Погода, надо заметить, была ве-

ликолепная, Москва блистала всеми своими красками, весна разворачивала перед гостем столицы цветущую сирень и лазурное небо. Неподалеку от поликлиники Качалин увидел шатер со столиками. Пиво показалось ему там непомерно дорогим – но он мог себе позволить, был бизнесменом, изрядным для областного города и для своего возраста. За первой кружкой «Балтики» последовала вторая – а когда Василий покинул заведение, был он в полном довольстве, даже домой в Тверь, несмотря на дела, возвращаться не хотелось. А тут ему навстречу идет а-бал-денная деваха. Русые волосы до плеч, есть, на что посмотреть за пазухой, и талия узкая, а бедра, наоборот, широкие. И бесконечные ноги.

Погода и хорошее настроение Качалина задержали в районе поликлиники. Пиво сделало его игривым.

– Как вы относитесь к любви с первого взгляда? – спросил парень. Сейчас подобный вопрос замылен десятками и сотнями пикаперов. Тогда, полтора десятилетия назад, он звучал еще свежо.

– Что ж, она случается, – засмеялась девушка. Парень ей понравился. Мужественный, уверенный в себе и небедный.

– Давайте обсудим эту тему.

– Давайте.

– Посидим или погуляем?

– Не сейчас. Я занята.

– Я подожду.

– Ждать придется часа два.

– Ничего, я не спешу.

– Ну, если вы так хотите.

– Хочу – не то слово. Мечтаю и жду.

Разумеется, ни одна девушка не расскажет своему парню, тем более случайно встреченному, что она отправляется на медосмотр. Поэтому для Качалина осталось неизвестным, причем очень долго, что его девушка – из таких же, как он. А кураторам из *комиссии* было невдомек, что двое их подопечных встретились и вспыхнули друг к другу чувствами.

Весь вечер молодые люди гуляли по Москве. В конце он сделал попытку затащить ее к себе в номер или напроситься в гостиницу к ней – но безрезультатно, что только подняло акции девушки в его глазах. Жаркие поцелуи тем не менее подействовали и на него, и на нее. И ему, и ей хотелось продолжения знакомства.

Однако наутро они разъехались по своим городам – *комиссия* и без того шиканула, оплатила жилье своим подопечным аж по чек-аут следующего дня (а вдруг анализ бракованным получится, придется в срочном порядке переделывать). И вот еще одна знаменательная случайность: девушка оказалась родом не из Якутска или Надыма (впрочем, даже в таком случае они, скорее, обрели бы друг друга: любовь не знает преград). Но судьба упростила им дальнейшее развитие романа: Юлия Ненашева проживала в городе Калуге, по прямой от Твери километров триста пятьдесят. Перед расставанием в Москве они обменялись телефонами – не мобильны-

ми, сотовые тогда в стране уже имелись, но пока не у людей их круга и уровня. И в ближайшую субботу Качалин уселся в свой подержанный «Форд Мондео» и, никак свою пассивность не предупредив, рванул в Калугу. Тем самым он подтвердил всю серьезность своих намерений – и Ненашева это оценила. Встреча их оказалась жаркой. Василий заказал двухместный номер в гостинице. И Юлия пришла туда к нему. После первой интимной встречи они уже не сомневались, что предназначены друг другу судьбою.

Так и мотались: чаще он в Калугу, но порой и она ездила с пересадкой в Тверь, а иногда и на нейтральной территории, в столице, встречались. Планировали свадьбу, строили различные предположения о том, как они будут дальше организовывать свою совместную жизнь... *Комиссия* в их судьбу вмешалась только в начале девяносто восьмого года. Офицер, курировавший по линии местного ФСБ гражданку Ненашеву, однажды встретил ее на улице и вдруг заметил, даже несмотря на зимние одежды, что девушка-то беременна. Он немедленно доложил в центр – получил по шапке: где он раньше был?! Куда смотрел? Куратор из *комиссии* немедленно выехал в Калугу, побеседовал с молодухой. Но и тогда оставалось еще им невдомек, что папаня будущего младенца тоже из *подопечных*.

И только когда пузо калужской биоэнергооператорши стало лезть на нос, офицер из *комиссии* удосужился спросить у нее, довольно формально, фамилию и место жительства от-

ца, обалдел – и помчался докладывать руководству о происходящем.

Надо заметить, что в те времена ни Петренко, ни Варвара еще не служили – а то вряд ли остались бы при погонах. После известия из Калуги в *комиссии* начался натуральный бенц. Ситуация подогревалась тем, что как раз к тому времени закончились предварительные исследования генетического материала, полученного от биоэнергооператоров. И выяснилось, что абсолютно каждый из них имеет генный дефект – в определенном месте генома. Исследование тянуло на полновесное открытие.

И сразу до чрезвычайности стало интересно: раз уж случилось – каким получится ребенок от двух биоэнергооператоров? Какими способностями он будет обладать? И каким окажется, в свою очередь, его геном?

Но и боязно было: если уж мама и папа могут творить чудеса – что сумеет их дитя? Подходило время родов, и ситуация усугублялась топорной работой куратора из комиссии, да и его начальства. Ни Качалин, ни Ненашева во все времена ухаживаний не признавались друг другу, что они *иные*. Они тем самым совет *комиссии* исполняли: ничего хорошего от рассекречивания вы не получите, близкие начнут вас использовать или смотреть, как на ненормальных, или и то и другое вместе. А тут офицер сам навел возлюбленных на мысль *расшифроваться*.

Ну, поговорили они между собой, все выяснили и решили

своими сверхспособностями воспользоваться. А тут еще у Ненашевой начались капризы, характерные для беременных.

Позиция *комиссии* по части организации родов была строгой: рожать вы, мадам, будете в Москве, в роддоме при ***госпитале. Госпиталь принадлежал одной из спецслужб, родильное отделение там имелось компактное, с хорошо подготовленным персоналом. А в ответ начались причуды: нет, я не хочу, у меня в Калуге хороший врач, у меня здесь мама, кто меня будет там навещать?! Лучший способ спорить с женщиной – выполнить все ее желания. (Так говорил полковник Петренко.) И, слава богу, в руководстве нашелся тогда умный человек, действующий по этой схеме. Хотите врача своего – пожалуйста, прикомандируем ее к вам из Калуги. Желаете маму? Поместим ее в гостевом домике при больнице. (Правда, забегая вперед, надо сказать, в итоге никому эти решения счастья не принесли, скорей, наоборот.)

А фокусы продолжались: я хочу, как нынче стало принято, чтоб роды принимал мой возлюбленный муж Василий. Но вот тут уж *комиссия* встала насмерть: двое биоэнергооператоров, да еще в одном помещении, да плюс в условиях чрезвычайного стресса – мало ли что может случиться! Не бывать этому! В итоге уговорили роженицу, что супруг будет рядом, и он первым придет ее поздравить.

И вот ближе к положенному сроку женщину перевезли в Москву, в *** госпиталь, и положили в предродовую палату. В гостевой домик при госпитале приехали ее супруг и мама.

Врач из Калуги должна была появиться в последний день. Отделение под предлогом санобработки закрыли. Рожениц разобрали в другие больницы. В родбригаду включили женщину – сотрудницу *комиссии*. И вот наступило положенное время.

Что конкретно, в какой последовательности и, главное, почему случилось в тот день, так до сих пор и остается загадкой. В распоряжении *комиссии* есть лишь записи с камер наружного наблюдения, сигнал с которых предусмотрительно передавался в фургон службы наблюдения, припаркованный на территории госпиталя в ста метрах от родильного отделения.

Камера 1. Периметр родблока

В кадр время от времени попадает мужчина. Это Василий Качалин. Он ходит вокруг здания родблока. Из-за закрытых окон раздаются крики роженицы. Крики нарастают, происходят все чаще и становятся все сильнее. Соответственно и Качалин ходит все с большей скоростью. Временами он зажимает уши, не в силах слышать страданий жены, а в какой-то момент воздевает руки к небесам, словно моля о снисхождении. И тут отдаленные крики женщины завершаются, и через несколько секунд слышен новый крик: младенческий. И одновременно с этим криком происходит толчок, камера слегка сотрясается. В родпалате гаснет свет. Мужчи-

на останавливается и удивленно смотрит на окна. Раздается новый вопль новорожденного. И одновременно с ним и как бы в унисон свет гаснет уже во всем здании. Во всех окнах трескаются и вылетают стекла. Папаша мчится к входу. Третий детский ор – и вспыхивает картина, словно внутри родблока разрывается фугас: из окон вылетают снопы огня, здание содрогается и начинает медленно оседать. Качалин падает на крыльце. Грохот становится нестерпимым. Картинка исчезает, сменяется полосами помех.

Камера 2. Родильная палата

У стола с роженицей – несколько человек в белых халатах. Камера установлена так, что крупным планом видно ее лицо. Оно потное и искаженное только что перенесенной мукой. Раздается шлепок и первый захлебывающийся крик новорожденного. На лице матери отпечатывается довольство. Но в этот же момент здание содрогается – так, что одна из женщин-акушеров даже не удерживается на ногах. В родзале гаснет свет. Новый крик – и одновременно с ним в палате словно бы возникает клуб огня. Крик третий – и среди клубов сора и штукатурки видно, как пролетает потолочная балка. Запись обрывается.

Глава третья

Алексей Данилов

Сименс знает мои требования к помещению, где мне приходится работать. Я прошу его подыскивать мини-офисы с отдельным входом. И еще – чтобы непосредственно из моего кабинета имелся запасной выход. Порой моим гостям бывает неловко столкнуться друг с другом в приемной. К примеру, две дамы приходят приворожить одного и того же мужчину. Ну и натурально в вестибюле встречаются, догадываются, в чем дело, и вцепляются друг другу в волосы. Такой фарс (вместо научного и мистического флера) мне совершенно не нужен.

Другое дело, что я, апропо, никакого приворотного зелья не готовлю и колдовства над фотографиями возлюбленных не провожу. Мой приворот начинается с того, что я определяюсь в личности заказчицы – и, отталкиваясь от нее, стараюсь понять: что представляет собой объект ее желания. И в зависимости от результата произвожу с клиенткой мини-тренинг: как вести себя, чтобы заполучить столь желанного Его. На каких струнах играть, какие кнопки нажимать. Ласковый взгляд и поцелуй украдкой – самое мощное в мире приворотное зелье.

Третье мое пожелание к «гастрольному» кабинету – чтобы у него не было врачебного бэкграунда. А то в Брянске пришлось принимать в бывшей частной стоматологии, и меня всю неделю давила накопившаяся в помещении аура боли и страха.

Наша здешняя приемная расположена, как сообщил Сименс, на расстоянии кварталов четырех от гостиницы.

Я после завтрака отправился туда пешком. По утрам в Энске царит такая же спешка и суета, как в Москве, – только гораздо в меньших масштабах. По свежим улицам свежеумывтый и невыспавший рабочий люд бежал на службу. Легкий туман висел в воздухе. Из порта кричал буксир.

Я нашел приемную самостоятельно и легко – я пока еще не забыл топонимику и географию родного города. Сименс уже должен быть на месте – набрасывать последние штрихи перед приемом.

Ему помогала временно взятая на подмогу милая рецепционистка по имени Эля. Она трепетала и краснела перед столичным магом. Я, в своем стиле, первым протянул ей руку. Задержал ее теплую длань в своей. Ей уже сказали, что она в порядке исключения сможет попросить в конце моего пребывания бесплатную консультацию – если все, конечно, пройдет хорошо и маг останется доволен. И теперь она лихорадочно думала, что ей у меня выведать: об отношении к ней Виталика из параллельной группы? Или почему так смущается при виде ее Владимир Андреевич? Чтобы сразу про-

известии на нее впечатление или, скорее, убить ее наповал, я говорю:

– Виталик не стоит вашего внимания. А Владимир Андреевич слишком стар – охота вам потом ему печально лекарства подавать?

– Так что же делать? – шепчет ошеломленная Эля.

– Ничего. Ждать. Скоро Он придет. Твой, единственный. Он всегда в конце концов приходит.

После столь эффектного фокуса я понимаю, что теперь она моя навеки, и я могу просить у нее все, что угодно: капучино в девять вечера или даже станцевать на столе.

Сименс мою эскападу слушает с улыбкой. Всегда хорошо, когда есть человек, который воспринимает твои способности с легкой долей иронии, не дает тебе зарываться.

Я осматриваю поле ближайшей ментальной битвы. Кабинет в прошлом принадлежал фирме, которая оказывала налоговые консультации физическим лицам. Здесь царит аура порядка, дотошности, точности – правда, с легким и почти безгрешным привкусом жульничества: типа, как бы не заплатить налог на продажу шестилетнего возраста «Тойоты Королевы». Но это не зубной кабинет. Обстановка мне мешать не будет.

Я занимаю место в главном помещении. Эля приносит мне чай и булочки. Запах свежесваренного чая и выпечки, замечено за годы практики, обычно стимулирует разговорчивость, а главное, памятьливость моих клиентов.

И вот в девять утра ко мне входит первая энская посетительница. Женщина лет сорока пяти – что называется, со следами былой красоты. Лицо с правильными, благородными чертами – однако на нем нет ни единой краски, ни в прямом, ни в переносном смысле. Потухшие глаза. Ненакрашенные губы, ресницы. Ни следа румян. Волосы тщательно выкрашены в рыжий цвет – очевидно, наступление седины уже стало фатальным. Однако прическа делалась месяца три назад – а рыжина в контрасте с серым лицом создает неприятное впечатление. И еще – знаете? – мне сразу, даже не ведая, что случилось, и невзирая на то что произошло, становится ее жалко.

– Как вас зовут? – спрашиваю я. И участливо: – И что у вас произошло?

Зовут ее, оказалось, Антонина Ивановна, а стряслось – ох! – такое обыденное и такое страшное: пропала дочка, доченька, любимая, ненаглядная, Ксюшенька, пятнадцати лет. Исчезла две недели назад, ничего не сказала, ни записки не оставила, просто однажды из школы не вернулась и вещей никаких не взяла. Вот фотография.

С карточки на меня смотрела милая и очень даже секси девочка. Волосы распущены, голые плечи, купальник. Антонине Ивановне стоило бы подумать, прежде чем приносить на просмотр постороннему мужчине столь откровенное изображение дочери.

– У вас кто-нибудь есть?

– В смысле? – встрепелулась дама.

– В прямом. Любовник. Сожитель. Мужчина.

Кровь прилила к ее бескровному лицу.

– Ну... Есть...

– Живете вместе? Сколько лет ему? Как зовут?

– Зовут Петром Гаврилычем. Он меня старше, ему пятьдесят два, да, мы вместе живем, у меня трехкомнатная квартира.

– А вы сама – как думаете, где дочка может быть?

Я подошел к креслу и взял клиентку за руку.

– Не знаю... Если б я знала... Я уже и в милицию заявила... Неужели ее похитили?

Но чувства, что неслись в ней, я чувствовал их, были совсем другими и говорили мне гораздо больше: Неужели она просто сбежала? Сучка, гадина, она проучить меня решила. Отомстить, что я с Петей не рассталась, как она хотела. Неужели у нее и правда с Петей что-то было? Тогда летом, когда я пришла раньше, а они оба розовенькие, он в трусах, а она в халатике – о, как больно! Неужели это она, гадина, его соблазнила, чтобы мне отомстить? Или это он резвится, климакс, кровь последний раз в его полтинник играет? А еще раньше: «Мама убери его от нас, он ко мне пристает!» – «Доча, как пристает?» – «Смотрит на меня! Подсматривает!» Что это – она шантажирует меня? Или правда Петя ее приставаниями замучил? Ладно, она убежала, да – но ведь с ней там, куда она убежала, может все, что угодно, случиться!

И куда, куда же она убежала?!»

– Да, – повторил я вслух подслушанную мысль Антонины, – с ней *там* может случиться все, что угодно.

Моя собеседница вздрогнула. Я отпустил ее руку.

– Вы любите свою дочь, – полувопросительно сказал я.

– Да.

– Вы волнуетесь о ней.

– Да.

– Вы хотите, чтобы она вернулась.

Она кивнула.

– Она вернется. Но вы должны просто позвать ее. Громко, четко, ясно. Может, не один раз – так, чтоб она слышала.

– Но как? Как позвать? Как я позову, когда я ж даже не знаю, где она?!

– Она Интернетом пользовалась?

– Да, конечно. Она же молодая. Все время.

– А вы?

– Н-ну, если только по работе.

– Значит, обращаться с Инетом умеете. И в социальные Сети, наверное, все ж таки заходили. – Женщина вдруг покраснела. Я продолжил: – Поэтому вам надо найти во всех соцсетях странички вашей дочери. «Аккаунты» они по-другому называются, знаете? В «одноклассниках», «ВКонтакте», в «фейсбуке»... И везде от своего имени надо разместить короткое, но прочувствованное сообщение: «Дорогая Ксюша, я люблю тебя, я волнуюсь за тебя и очень скучаю,

пожалуйста, возвращайся домой».

– Вы думаете?

– Да, – сказал я безапелляционно. – Думаю, что она где-то недалеко – не в физическом, а в ментальном смысле. Ее не похитили. Она убежала из дома сама. Чтобы вас с вашим сожителем наказать. И уже понимает, что сделала глупость. И ждет, что вы, мама, ее простите и позовете.

– А вы... вы не могли бы мне составить это обращение?

– Понимаете, Антонина, это должны быть ваши слова – присущие только вам. Если напишу я или кто-то другой – она сразу почувствует фальшь.

– Вы сказали, она недалеко – а где?

– Даже если вы найдете ее физически, разговор ваш с нею лично, в реале, пойдет куда тяжелее, чем в виртуальности. Поэтому – лучше пишите. И обещайте ей все, что угодно. Даже то, чего не сможете выполнить. Например, расстаться с Петром. – Женщина вскинула на меня удивленный взгляд. – Да-да, лучше пару месяцев обойтись без мужчины, чем потерять дочку, правильно? И о том, как будут развиваться события, держите в курсе моего секретаря, вот электронный адрес.

Довольно давно хитрый Сименс посоветовал мне на первые дни каждой *гастроли* брать *клиентов* со случаями полегче. Чтобы я мог добиться с ними результата, пока мы находимся в городе. Чтобы слух о моих достижениях успел пролететь по окрестностям. А на последний день (или даже дни)

изначально никого не записывать. Пусть являются те, кому очень надо. Для кого мои способности – последняя надежда. С таких, как нашептал мне Сименс, и взять можно побольше. Обычный трюк, очень в духе нынешних отечественных чиновников, полицейских, врачей. Хотя те продают свои полномочия, а я талант. Имею право. Но я, невзирая на сименсовские искушения, на подобную спекуляцию не пошел. Все ж таки дар мой вещь хрупкая. Как бы не истончить его, не сломать хапужническим к нему отношением.

Однако все равно победа, одержанная сразу же, и тон правильный гастролям задает, и создает вокруг моего дела невредный флер полезности – а я был практически уверен, что в случае с Антониной Ивановной и дочкой Ксюшей скоро достигну положительного результата.

Чтобы смыть с себя тонкие вибрации предыдущей посетительницы, я омыл руки и лицо в рукомойнике в комнате отдыха. А Эля уже вводила в мой кабинет новую просительницу.

Вторая визитерша оказалась дамой куда моложе, лет тридцати с малым хвостиком. Вообще мой контингент на девяносто пять процентов женщины. А их социологический портрет – от тридцати до пятидесяти, обеспеченные, примерно в семидесяти процентах одинокие. Однако новая гостья наверняка была замужем, об этом не кольцо у нее на руке свидетельствовало – кольца-то как раз не было, – а общая аура довольства. И еще – в отличие от махнувшей на себя рукой

Антонины Ивановны – вторая дама тщательно следила за собой: укладочка, макияж, маникюр. Я был готов поклясться, что у нее и педикюр имеется, и спортом она занимается, и вещички куплены не в близлежащей Турции и даже не в Москве, а в специально организованных налетах на Милан и Париж. Словом, настоящая преуспевающая жена.

Дама представилась мне Аделью – странные бывают вкусы в наших палестинах! Кому вот из ее родителей пришло в семидесятых – годах космонавтики, разрядки, Вьетнама – назвать свою девочку столь странным именем?

– Что у вас случилось? – участливо поинтересовался я.

– Вы меня извините, может, я зря пришла, но, знаете... – Она прятала за многословием смущение. – Я потеряла одну дорогую мне вещь. Колечко. Формально – совсем безделица, серебро с гранатом. Но оно подарок любимого человека. Я все обыскала! Все! Самое ведь обидное, я дома его где-то посеяла – точно совершенно, и как корова его языком слизала. Не знаю, как вы мне поможете – но вдруг сможете?

– Расскажите, когда вы видели его в последний раз? И дайте мне руку.

Я взял в свою правую ее десницу – чуть трепещущую и прохладную от волнения на кончиках пальцев.

– Я возвратилась домой...

– Откуда?

– Из кафе, мы с подружками были днем, стала раздеваться. Сняла с пальца кольцо и положила...

Я настроился на ее волну и почувствовал, что она совсем не врет и даже нисколько не приукрашивает: в самом деле, вот она возвратилась домой. Никого рядом. Перед моим внутренним взором возник ее образ: вдохновленная, чуть подшофе. Она в своей квартире, перед комодом с зеркалом. Уже разделась, в трусиках и лифчике, и я вижу ее еще вполне приличную фигуру и как она – внимание! – вытаскивает из ушей сережки. В отличие от колечка – совсем не дешевые. Мне так и хочется вскричать неведомому оператору: дай крупный план! И замедленную съемку, пожалуйста! Да-да, спасибо: я вижу, как она кладет серьги в шкатулочку. А вот теперь – теперь она снимает с пальца то самое простенькое, но изящное колечко. И... И?... И тут раздается телефонный звонок – там, в прошлом, в квартире моей клиентки. Она отворачивается от зеркала. Хватает сумку – та валяется на кровати. Роемся в ней. Телефон звонит. А кольцо? Где оно? Как и она, я не вижу! И вот женщина достает, наконец, телефон и говорит: «Алло!» – и снова поворачивается к зеркалу, и снова смотрит на себя с мобильным (и в бюстгальтере с трусиками), но на столешнице *вещицы нет*. И в шкатулке кольца тоже нет.

– Подождите, Адель! – прерываю я ее. – Давайте еще раз. Очень медленно. Шаг за шагом. Секунда за секундой. Вы снимаете кольцо, и тут звонит телефон...

И она послушно начинает вспоминать сызнова. А я слеую за картинкой, появляющейся в ее мозгу. Вот Адель сня-

ла колечко. Она держит его в левой руке. Звонит телефон. Она оборачивается. Однако левая рука с кольцом продолжает движение. Но! Стоп! Внимание! Кольцо не попадает на столешницу комода. Оно падает, летит вниз, хлопается о паркет, отскакивает, отлетает куда-то в угол...

– Вы на полу смотрели? – прервал я рассказчицу.

– Каждую половицу. Каждую!

– Под кроватью? Под комодом?

– Ах, боже мой, да! Конечно же!

Пальцы Адели в моей руке перестали подрагивать, успокоились, потеплели. И сквозь ее длань, как сквозь идеальный метафизический проводник, я продолжал видеть, что рассказывает она абсолютную правду: весь пол в комнате прощупала, каждую паркетинку – и ничего.

– Кто вам это кольцо подарил? – спросил я.

Она слегка смутилась:

– Мой... друг.

– Он знает о пропаже?

– Нет, я не говорила.

– А он мог сам найти кольцо, да ничего не сказать – чтобы, допустим, проучить вас?

Она возмутилась и вслух, и ментально (и я ей поверил):

– Да что вы! Он не такой!

– Давно инцидент с кольцом произошел?

– Неделию назад. – Взглянула жалобно. – Я это кольцо всегда надевала, когда мы с моим другом встречались. Я ему

говорила, что оно удачу приносит. Нам обоим. Он расстроится, когда узнает, что кольца нет.

– Кто у вас еще в квартире бывал?

– На уборщицу намекаете?

– Ни на кого я не намекаю.

– Но я на всякий случай вам фотографию моей уборщицы принесла.

– Значит, это ВЫ на нее намекаете, – усмехнулся я. – Но фото нам мало поможет. Оно только шарлатанам помогает, потому что, кроме нанесенных на бумагу химических веществ, в карточке нет ничего и не бывает.

– Да? А как вы тогда ее проверите? Будете сюда, в свой кабинет, ее вызывать?

– Ни в коем случае. Просто попрошу вас описать последний визит уборщицы и ваше с ней расставание. Вы, кстати, ей про конфуз с кольцом сказали?

– Ну, разумеется, первым делом. И призвала убираться особо внимательно.

– Хорошо, вспомните: вот вы с ней расстаетесь. Как она выглядит, что говорит?

Адель девушкой оказалась послушной, нарисовала мне портрет своей помощницы по хозяйству: она в прихожей, готова уходить, переоделась, с пакетом в руках, хозяйка с ней расплачивается... И на лице, и в жестах уборщицы нет ни малейшей тени вины. Я могу ошибаться, и я за свою практику пару раз ошибался, но в данном случае не сомневался:

помощница по хозяйству чиста.

– Давайте дальше, – попросил я. – Кто еще у вас бывал в доме за прошедшую неделю?

– Да никого практически.

– Практически, – усмехнулся я. – Это замечательная оговорка.

– Да заходила буквально на пять минут моя ассистентка со своим сыном.

– С сыном? Вот как! А сколько молодому человеку лет?

– Четыре с половиной.

– О! Замечательный возраст! Это же меняет все дело!

– Да они дальше прихожей и не проходили!

– Сейчас посмотрим. Давайте, дорогая Адель, вы устали, я вам помогу. Откиньтесь в кресле, закройте глаза, расслабьтесь. Сейчас вы перенесетесь в то мгновение вашей жизни, когда к вам в квартиру пришла ваша сотрудница с сыном. Итак, звонок в дверь, вы открываете, они входят...

– Адель Александровна, простите, ради бога, мы на минутку буквально. Очень неудобно вас беспокоить, но... тысячи три мне не одолжите? Буквально на пару дней, пока муженек мне алименты не переведет. А то за теннис платить надо и за английский.

– Ну, заходите, чайку попьем. Для Артема у меня вкусенькие вафли имеются. Будешь вафли, Артем?

– Буду!

– Не будешь ты ничего! Мы на теннис опаздываем! – И,

обращаясь к Адели, ассистентка сказала: – Извините, мы уже пойдем, нам правда некогда.

– Ну, пойдем в гостиную, туфли не снимай, все равно Нина завтра убираться придет.

И вот две женщины выходят из прихожей и оставляют там Артема одного, и он тут же – внимание! – жжж, усвистывает по длинному коридору. А там заскакивает в спальню, а далее, как будто знает, бросается на пол и скользит прямо в курточке по натертому паркету, и вот в углу, между отопительной трубой и стенкой, вспыхивает, сверкает колечко. И маленький монстрик хватает его и сует в карман, – я, конечно, не мастер читать мысли, приходящие одновременно и из прошлого, и на расстоянии, – но тут понимаю: он взял кольцо для коллекции, у него есть целый сундучок сокровищ, там и драгоценные камни (из пластика), и бриллианты (из стекла), и золото (из крашеной проволоки).

– Похоже, плохо вы знаете детскую натуру, – усмехнулся я.

– У меня у самой сын. И мы с ним прекрасно находим общий язык, – вскинулась Адель.

– Тем не менее. Я вам сейчас посоветую отправиться домой к вашей сотруднице. И Артема ни в коем случае не ругать. Можете даже его любимых вафель купить. – Женщина глянула удивленно: откуда я прознал про вафли?! Таким образом производить впечатление – часть моей работы. И я продолжал: – А потом вы попросите мальчика – именно по-

просите, без наездов, – чтобы он показал вам свои драгоценности.

– Думаете, он взял?.. – Глаза ее вспыхнули.

– Я надеюсь. Во всяком случае, третьего дня кольцо еще было там, в сундучке с его сокровищами. Ну, а если мальчик его потерял – что ж, тогда приходите ко мне еще раз, уже вместе с вашей ассистенткой и с ним. Но в любом случае, повторяю, не вздумайте его ругать. Возраст у него как раз такой, когда деткам еще не ведомо, что такое хорошо и что такое плохо.

Варя Кононова

Я и хотела, и должна была вживую поглядеть на моего подопечного Данилова. С филерами для этого выходить на контакт я не стала. Лучше со стороны посмотрю. Одновременно оценю и их работу, и как мой мальчик теперь выглядит.

Мне доложили вчера: прием у Данилова начинается в десять. Для своей работы они арендовали помещение по адресу: бульвар Черноморцев, двадцать два. Я бросила взгляд на карту: ходьбы от его гостиницы минут семь. Если не совсем юноша закрутел, прогуляется. А коль будет изображать из себя крутышку – отправится на «мерсюке», что арендовал для него верный Сименс. Но в любом случае на выходе из отеля я смогу его увидеть.

Я взяла такси и за сто пятьдесят рублей переехала из своей

очень советской гостиницы к подножию даниловского обиталища. Его отель размещался в одном из подъездов старого сталинского дома. Вход был со двора – а гостиничные окна на фасаде выделялись среди прочих свежими, беленькими стеклопакетами. Напротив этой громады, украшения пятидесятых годов, стоял второй такой же дом, парный. И внизу здания очень удачно находилось кафе. Рекогносцировку я провела еще вчера. В открытом доступе имелась, помимо привычных карт Энска, еще и панорама его главных улиц и площадей. Площадь с гостиницей «Новороссия»; кафе напротив, названное «Любо».

Я заняла там место. Все равно фильтрованный гостиничный кофе поутру не очень меня удовлетворил. Требовалась пара чашек настоящего эспresso.

Уселась я у окна. Площадь и выход из гостиницы просматривались отсюда великолепно.

В четверть десятого вышел помощник Данилова по фамилии Сименс. Уселся в «Мерседес», укатил. Значит, мой подопечный пойдет пешком?

Попутно я рассматривала площадь на предмет найти «наружку». Однако филеры работали, похоже, классно – потому что даже я, знающая, в чем дело, не могла определить: вот женщина с коляской, она просто прогуливается – или ожидает Данилова? А мужчинка с таксой? Или двое электриков с лестницей на плечах? Правда, была другая возможность: я кругом ошибалась, и за объектом *сводили совсем другие*.

Или – третья: местные сыщики нарушили приказ, мой и центра, и не вели негласное наблюдение вообще. Вряд ли подобное объяснение – игнорирование приказа – могло прийти мне в голову еще лет десять назад. Однако сегодня все вокруг расшаталось и коррумпировалось настолько, что я не могла исключить такой вариант. Хотя, конечно, верить в него не хотелось. И я набрала номер моего вчерашнего ухажера Егора Баранова:

– Как у вас дела?

– Живем, хлеб жуем, – хмыкнул в ответ наглый опер.

– Как организовано НН?

– Видим вас хорошо. Кофеек вам вкусный подали? Могу также порекомендовать: в заведении, где вы устроились, неплохие эклеры. И мохито!

Неприятно бывает, когда ты вдруг понимаешь, что за тобой наблюдают. Первое желание было – вскочить и убежать. Но я его, разумеется, подавила. Интересно, откуда пасет меня ушлый опер? Вон из того фургона с надписью ЛУЧШИЕ ОКНА ЮГА? Или из пацанской «девятки» с глухой тонировкой, что мирно спит у тротуара?

Но в этот момент из гостиницы вышел Данилов, и я смогла с чистой совестью закруглить разговор: «Отбой!» – и постаралась сконцентрироваться на своем подопечном.

Последний раз я видела его вживую чуть больше десяти лет назад, и конечно, перемены в нем оказались разительны. Тогда с *комиссией* имел дело неоперившийся и несосто-

явшийся юноша, автор никому не нужного авантюрного романа. В те дни он был смущен, ошеломлен всем, что происходило с ним и вокруг него. Он был смел, безрассуден, безогляден. И – юн. Черт возьми, до чего ж он тогда был юн!

Впрочем, я и сама в ту пору была феерически, непозволительно молода. Однако по календарю – на два с половиной года его старше. Плюс в прошлую нашу встречу за своими плечами я ощущала глыбу *комиссии* и громаду всех спецслужб страны. Поэтому и чувствовала себя, и держалась тогда гораздо уверенней, чем мальчик Данилов.

Однако нынче, по прошествии десяти годков, мой подопечный здорово переменялся. Видимо, правы циничные люди, когда утверждают, что мужчину сильно украшают деньги. Мужики, эти засранцы, сразу становятся уверенными в себе, раскрепощенными, наглыми. Вот и Данилов – в дорогих башмаках, модной куртке, небрежно брошенном на плечо шарфе – смотрелся круто. Он вырулил из дворика частного отеля «Новороссия» и направился в сторону своего временного офиса на бульваре Черноморцев, двадцать два. Шаг его дышал спокойствием и уверенностью. И, конечно, не только презренное бабло придавало молодому человеку горделивость. Сказывалось то, что он стал нынче уважаемым человеком, обладателем редчайшей специализации. Его визита, словно манны небесной, ждал целый город. Наверное, придавал ему самоуважения – как королю его свита – тот самый Сименс, который, будто нянька, организовывал

вал его визит... Словом, теперь мне противостоял не испуганный мальчишка – а зрелый муж. Да и возрастные пропорции, очевидно, изменились. Если в прошлую нашу встречу, когда ему было двадцать три, он гляделся совсем ребенком по сравнению с моими двадцатью пятью – однако теперь кто почувствует разницу между моими тридцатью пятью и его тридцатью тремя! Уж точно – не я.

А главное – наверно, главное? – Данилов теперь стал красив. Молодой, стройный, высокий, широкоплечий, с открытым лицом. И я, конечно, не должна была так думать, но картинка вдруг нахлынула: вот его лицо, совсем рядом с моим, и глаза его светятся любовью, и губы шепчут, и у меня даже екнуло в груди от столь возможной и невозможной картины... Нет, нет и еще раз нет! Что за вздор приходит в голову! Как это можно себе представить! Ведь он *объект*, и он у меня – в *разработке*! Да и вообще он *иной*, *иная*! В полном смысле слова, может, и не человек вовсе! Как я могу даже думать о подобном!

Но – тем не менее – я думала.

Данилов пересек площадь, ни разу не глянув в сторону кафе, где за гардиной пряталась я. Ни одно средство передвижения, которое я наметила в качестве возможного субъекта «наружки», за ним не двинулось. Браво, коллеги из энского горотдела. Браво, резвый опер Егор.

И вдруг, в тот самый момент, когда мой объект по тротуару, не спеша, двинулся в сторону от моря в глубь города,

откуда-то возник мотоцикл. Он пролетел по площади, порывая бешеным мотором. Пронесся ровно в том же направлении, куда шел Данилов. Скорость его была небольшой – в сравнении с той, что мог развивать подобный мотобайк, – всего километров тридцать-сорок в час. Несся двухколесный зверюга тем не менее гораздо быстрее пешехода Данилова. Но! Это был тот самый мотоцикл, что я видела вчера вечером у пятиэтажки, где проживала Вероника Климова. А самое главное: она, эта дева, наш объект номер два, и сейчас сидела за спиной вчерашнего своего спутника, водителя байка, крепко уцепившись в него ручками. Боже мой. Я вся похолодела. Ноги стали как ватные.

Мои подопечные чуть не встретились! Они пролетели друг мимо друга в одном направлении! В первый же день, когда оба оказались в одном городе.

– Вы видели? – Я немедленно набрала номер Баранова.

– Да, все под контролем, контакта не было, – бодро отозвался мой несостоявшийся ухажер.

Контакта не было! Слава богу, что не было. Я сама вроде это заметила. Но каково совпадение! И совпадение ли?! Конечно, Энск меньше Москвы раз в сто. Здесь увидеться случайно гораздо больше шансов. Но чтобы подопечные чуть не встретились в первое утро? Это – что? Чистая случайность? Или, может, в их мозгах или душах есть нечто вроде программы, которая притягивает их друг к другу?

– Где они? Доложите, – потребовала я.

– Объект номер один находится уже на бульваре Черноморцев, двадцать два, занял свое место в офисе. Объект два прибыл к офису фирмы «Бересклет», по адресу: улица Рубина, пятьдесят пять. Сейчас на крыльце стоит, курит с подругами. Расстояние между объектами более двух километров.

– Продолжайте работать, – устало сказала я.

Выброс адреналина накрыл меня и привел к опустошенности. Что делать, вяло подумала я. Может, Петренко позвонить, попросить совета? Да что он скажет? На девяносто девять процентов: Варя, разбирайся сама. Вот и получится: результат дилеммы звонить – не звонить в итоге выходит одинаковый, придется все решать самой, только висты я в глазах командира потеряю.

Чтобы прийти в себя, я прямо за столиком кафе открыла свой ридер и решила освежить в памяти, что мне (и *комиссии*, разумеется) известно о нашей энской подопечной Веронике Климовой.

Она оказалась одной из тех немногих, кого мы *приняли в разработку* в прошедшем десятилетии. Финансируют, как я уже говорила, нас в последнее время слабо, специальный поиск новых *иных* не ведется, порой возникает впечатление, что *комиссия* стала никому не нужна. Вот и Климова попала в поле нашего зрения совершенно случайно.

Шесть лет назад, когда девочка еще училась в школе, она вместе со своей мамой прибыла на зимние каникулы в Моск-

ву. (Папаню дома, в Энске, оставили – пить пиво и смотреть «Смехопанораму».) А двоим дамам, юной и постарше, предстояло увидеть обычный набор: Красная площадь, Кремль, Коломенское, Воробьевы горы.

Приехали они самостоятельно, безо всякой тургруппы, отель заказали, типа дома колхозника, в районе ВДНХ. Там, в гостинице «Дружба народов», все и случилось – на второй день пребывания. Только удивительное стечение обстоятельств привело к тому, что случай не попал в газеты, не стал достоянием широкой гласности – а Климова с маманей, в свою очередь, не оказались в ментовке, а после – под следствием и судом.

Вероника и мать ее поспать любили – к тому же отпуск, каникулы, зима. Вот и вышли на гостиничный завтрак уже почти к шапочному разбору – к десяти. Народу в отеле проживало совсем немного, на завтраке соответственно бродило и закусывало двое-трое. Плюс – несколько вялых подавальщиц.

С одной из них у семьи Климовых и произошел конфликт. Фотография гостиничной служащей с говорящей фамилией Гробовая имелась в деле, и я, рассматривая ее, очень хорошо поняла приезжих из Энска. Подобная столичная хабалка одним своим видом нарывалась на крепкое словцо в свой адрес. Красная наглая рожа, брылья и нос огромной бульбой. Фотография мамани Климовой тех времен тоже присутствовала, и она была не в пример милее: тонкие черты, мягкая

улыбка, причесочка, глаза умные и сопереживающие. Как поясняла потом она сама (объяснение тоже наличествовало), в разговоре с Гробовой она довольно дружелюбно посетовала на скудость прилавков: ни колбасы, ни омлета, ни сосисок, ни сыра. И кофе холодный. Для подавальщицы робкая жалоба приезжей из Энска послужила стартером.

– Ишь, раскрылилась! Подай ей, принеси! Понаехали тут! Продохнуть невозможно из-за лимиты! Ходят тут, барынь из себя изображают! Того-сего ей не подали. А сами гость-раббайтеры! Гость-ролеры! Проститутки! Так и глядят, как бы чего нашего с...издить. По мужикам нашим истекают, с любым готовы разлечься за прописку!

Климова-старшая опешила. Потом все свидетели подтверждали: именно, что опешила, глаза и рот открыла на такое хамство, найти не могла что сказать. После пробормотала:

– Да как вы смеете? Да почему вы такое говорите?

К тому моменту и дочка ее поближе подошла. И если предыдущую тираду она слышала лишь отголосками – и только заметила мамино состояние, – то следующий наезд девочка лицезрела во всей красе:

– А ты что сюда, сучка, командовать пришла? Рты нам затыкать? Селедка провинциальная, гадина узкая, тебя там у себя не е...т никто, ты к нам прибыла мужиков утаскивать?!

И тут вдруг выступила в обиду за мамочку всегда спокойная (как характеризовалась в деле) и даже замкнутая Кли-

мова-младшая.

– Заткни свой поганый рот! – выпалила она в ярости.

– Что это за кваканье из помойки-то донеслось? – с нескрываемым презрением поворотилась к ней Гробовая. – Эта гофнючая пигалица, недомерка учить меня будет?! Хавальник-то свой прикрой, пока я язычок твой не выдернула.

И тут... Тут Вероника закричала.

В деле имелись показания всех шести свидетелей ее крика, включая гражданку Гробовую и маму Климову. Гробовая охарактеризовала вопль как ужасный. Мать сказала, что ничего подобного ни разу в жизни не слышала и даже не могла поверить, что этот ор исторгает человеческое существо – тем паче ее собственная дочь. Ковров (о нем речь еще впереди) показал, что крик был на пределе человеческой слышимости и реально воздействующий на человеческий организм. От него онемели пальцы рук и ног, начала болеть голова – не говоря уж о том, что можно было оглохнуть.

Но самыми ужасными оказались последствия выкрика. Первые словно сошли с экрана плохого фильма ужасов или комедии. Лопнули и разлетелись на куски все тонкие стаканы и бокалы, имевшиеся в помещении столовой. Затем – крик уже отзвучал, но эффект от него длился – в полной тишине, которая стала еще более полной, чем обычно, оттого что все были оглушены криком, – начали лопаться и трещать чашки и тарелки. И, наконец, как апофеоз драмы, вдруг сами собой вспыхнули занавеси на окнах!

Конечно, всем повезло – и Веронике с мамой, и персоналу гостиницы, и даже нам, членам *комиссии*, – что в тот момент в помещении для завтраков оказался Ковров. В прошлом сотрудник органов, пятнадцать лет, как в отставке, он прибыл в столицу из Владивостока по делам своей фирмы. И он не растерялся, когда вспыхнули занавеси. Схватил огнетушитель и начал умело орудовать им, ликвидируя возгорание. Попутно крикнул выглянувшей менеджерице: «Звонить-один!» Когда пожар был потушен, он пригрозил администрации, что никакой милиции вызывать не стоит. А сам, помня еще со времен службы совершенно секретные приказы о том, как фиксировать и как работать со всем сверхъестественным и необычным, позвонил в ФСБ.

В местном отделе тоже оказались люди грамотные и расторопные – поэтому не прошло и двух часов, как с постояльцев и сотрудниц отеля (включая хамку Грбовую) была взята подписка о неразглашении. А девочка Вероника вместе с мамой переправлена для обследования в больницу – кстати, ту самую, родильный блок которой семью годами ранее был уничтожен совместными усилиями семейки экстрасенсов.

Климовым мы предъявили простенький ультиматум: или последует уголовное дело по результатам порчи имущества в гостинице, суд и полное возмещение ущерба, или они соглашаются на подробное исследование способностей Вероники в условиях стационара. Разумеется, женщины выбрали последнее.

К тому времени – начало нулевых годов – безудержное финансирование нашей службы сменилось подлинной денежной засухой. Видать, средства от подорожавшей нефти срочно потребовались для строительства чиновных особняков – под Москвой, под Питером и в Марбелье. Поэтому и с Вероникой поработали маловато и мелко. Да – сделали анализ ДНК, определили, что, как у абсолютно всех *иных*, в геноме у девочки содержится тот же самый дефект. Поэкспериментировали с ней, пытаюсь снова вызвать пирогенез или телекинез – однако опыты оказались неудачными. Попугали немножко девочку и маму: если они будут распространяться о сверхспособностях Вероники, а тем более пытаться продемонстрировать их – очень легко могут загнать в психиатрическую клинику. Затем у девочки с мамой взяли подписку о неразглашении, доставили на вокзал – и отправили восвояси в их родной Энск, под надзор местного отдела ФСБ.

И с тех пор с девчонкой ничего не случилось. А может, все ж таки случилось – да мы проглядели?

Алексей Данилов

Весь день Сименс отсутствовал. После моего пожелания разыскать что-то о моих родителях он по-настоящему меня допросил. Где мама работала? Где отец? С кем она дружила? С кем – он? Где вы здесь, в Энске, жили? В какую ты школу ходил? С кем из одноклассников водился? Потом он отпро-

сился – и исчез на целый день. И я понимал, что он работает на меня, исполняет те идеи, что пришли вдруг мне в голову. Он зарабатывал со мной столько, что мог позволить себе трудиться не за страх, а за совесть – чтобы только ублажить меня, своего работодателя.

Присутствие Сименса в течение рабочего дня мне, в сущности, было не нужно. Зачем он? Его цель – организовать процесс приема, чтоб не было эксцессов. Их обычно, тьфу-тьфу-тьфу, и не бывает. Но я как подумаю, сколько оголтелых, ненасытных чиновников могли бы помешать мне трудиться – от местных санэпидстанций до пожарных, от милиции до горэнерго, – так сразу понимаю, что суммы в наличных, что мой помощник берет на расходы, организуя гастроли, совсем невелики.

После того как я принял семь страждущих дам, чувствовал себя изрядно высосанным. В гостиницу идти пешком уже совершенно не хотелось. Сименс заехал за мной на «мерсе», мы оставили Элю запирать лавку и перебрались в отель. Ни о чем серьезном не говорили – мой помощник знает, что после приема, да еще в первый день, я затухаю и нуждаюсь в восстановлении. А восстанавливает меня только время. Ну, еще ванна и пища. Поэтому в себя я пришел только после десерта, около десяти, в отдельном кабинете ресторана «Зюйдвест».

Сименс заметил, что я оклемался, и спросил:

– Ты обратил внимание, что здесь, в Энске, за нами сле-

дят?

– За *нами* – или за *мною*?

– За тобой.

– С чего бы вдруг? Давно ничего похожего не было.

– Я здесь все вопросы с налоговой и прочими силовиками решил, как обычно. Не должны они были борзеть.

– А как ты думаешь тогда – что это за фигня?

– Могу только гадать.

– А именно?

– Одна из записавшихся к тебе на прием – жена градоначальника. Поэтому он хочет проверить тебя по полной.

– Ладно, Сименс, выдумывать я и сам умею, фантазия у меня, может, даже побогаче твоей будет. А про слежку временно забудем. Лучше расскажи: как розыски в моей родословной?

– Я замечательного товарища обнаружил. Он и поговорить согласился. Но только с тобой лично. Он даже тебя великолепно помнит. Сказал, что ты очаровательный бутуз. Правда потом поправился: милый, говорит, смысленный мальчик.

– Кто же это?

– Его фамилия Десятников. Зовут Петр Сергеевич. В укороченном варианте получается Петя Десятников. Или Пятидесятников. Смешно, да? Это он сам мое внимание обратил. Не помнишь его?

– Что-то разве совсем смутно.

– А ведь он с твоим отцом кучу лет вместе проработал. Был в буквальном смысле его правой рукой. Верным оруженосцем. Это он мне так сказал. Сейчас на пенсии. Похоже, скучает. Жена в санатории. И потому, повторяю, не против с тобой встретиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.